

ГЕОРГИЙ ДЕРАУГЬЯН

АДЕПТ БУРДЬЕ
НА КАВКАЗЕ

ЭСКИЗЫ К БИОГРАФИИ
В МИРОСИСТЕМНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Георгий Дерлугьян

**Адепт Бурдые на Кавказе:
Эскизы к биографии в
миросистемной перспективе**

«Территория будущего»

Дерлугьян Г. М.

Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г. М. Дерлугьян — «Территория будущего»,

«Тысячелетие спустя после арабского географа X в. Аль-Масуци, обескураженно назвавшего Кавказ "Горой языков" эксперты самого различного профиля все еще пытаются сосчитать и понять экзотическое разнообразие региона. В отличие от них, Дерлугьян – сам уроженец региона, работающий ныне в Америке, – преодолевает экзотизацию и последовательно вписывает Кавказ в мировой контекст. Аналитически точно используя взятые у Бурдье довольно широкие категории социального капитала и субпролетариата, он показывает, как именно взрывался демографический коктейль местной оппозиционной интеллигенции и необразованной активной молодежи, оставшейся вне системы, как рушилась власть советского Левиафана».

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Глава 1	10
Чечня, площадь Свободы	16
Архитеррорист	20
Рынок символов	23
Видеоразвал	25
Выборы	28
Гендер и ислам	29
О неочевидности горских кланов	32
Пропагандист	35
Изувеченная карьера	37
Исламское выступление	40
На поиски университета	41
Кабардино-Балкария	44
Государственный порядок	45
Черкесская церемонность	47
Исламский морализм	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Георгий Дерлугьян

Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе

Предисловие к русскому изданию Простой советский черкес

На Кавказе все хорошие истории имеют тенденцию ветвиться.
Фазиль Искандер

История, служащая лейтмотивом этой книги, довольно долго оставалась в папках с материалами полевых исследований. Тому было три веские причины: теоретические затруднения, политические соображения и этические дилеммы. Поясню вкратце и в обратном порядке, чтоб не задерживать с чтением книги.

Непрерывно записывать личные наблюдения было напутствием Бенедикта Андерсона перед моей очередной поездкой на Кавказ. Автор «Воображаемых сообществ» – славный ирландец, родившийся в Шанхае и, кстати, бравший уроки русского языка у эмигранта князя Ливена, – воспитывал во мне убеждение, что глобальные тренды и структуры не имеют реальности без понимания действий, представлений и надежд людей, на долю которых выпало жить среди этих структур и трендов. Бен Андерсон всегда ценил показательную для своей эпохи историю. Он любит слушать и сам умеет хорошо рассказывать¹. Так появилось длинное письмо-отчет о нескольких днях зимы 1997 г. в Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, ставшее основой первой главы.

Письмо вместе с фото кабардинского политика Мусы (Юрия Мухамедовича) Шанибова попало в руки Пьера Бурдые на первый взгляд достаточно случайно. Иммануил Валлерстейн, глава моего диссертационного комитета в Университете штата Нью-Йорк, предпочитал проводить весенний семестр в Париже. В конце отчета я весело приписал, что если ему случится где-то на бульваре Сен-Жермен столкнуться с Бурдые, то можно озадачить французского коллегу фото его «тайного адепта» в папаше. Лишь отправив письмо шефу, я сообразил, что, скорее всего, сморозил глупость. Нигде в своих обширнейших библиографиях Валлерстейн не упоминает Бурдые – как и Бурдые никогда не ссылался на Валлерстейна. Едва ли это могла быть случайность. Два знаменитых социолога занимались совершенно разными вещами и на абсолютно разных уровнях. Кроме того, Бурдые был известен нелегким и задиристым характером, а Валлерстейн, напротив, принципиальный противник полемики. Но сомнения разрешились через каких-то три недели. В почтовом ящике обнаружился конверт с простым логотипом Collège de France, Pierre Bourdieu. Писал Бурдые быстрым почерком, только по-французски, очень сердечно и энергично. Конечно, ему было любопытно, что за почтенный кавказец в папаше держит в руках русский перевод его труда².

Поди-ка вкратце объясни Пьеру Бурдые, как бывший прокурор и комсомольский работник, преподаватель научного коммунизма из Кабардино-Балкарского госуниверситета, в годы перестройки становится президентом Конфедерации горских народов Кавказа и ведет на войну в Абхазии отряды добровольцев, среди которых Шамиль Басаев и Руслан Гелаев, а затем

¹ Тому примером его недавняя книга, построенная на нескольких биографиях в глобально-историческом контексте – Benedict Richard O’Gorman Anderson. *Under Three Flags: Anarchism and the Anti-colonial Imagination*. London: Verso, 2005.

² Пьер Бурдые. *Социология политики* / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

выведенный из активной политики случайным ранением, штудирует в госпитале политическую социологию Бурдьё... Человеку с советским жизненным опытом многое тут до боли знакомо – один из моих питерских друзей с готовностью определил типаж: «Собчак Кавказа!» – но именно потому малопонятно западному читателю (как, впрочем, становится непонятным и нашим собственным детям). В самом деле, Шанибов типичен для поколения интеллигентов-шестидесятников, в ответ на гласность взявших в руки микрофон и мгновенно превратившихся в народных трибунов. Сколько подобных людей некогда стало знаменитыми публицистами и народными депутатами – и куда они потом все делись? Тот же Шанибов в конце 1990-х возвращается к мирной преподавательской деятельности и безвестности³.

То, что писать об этом стоит, подтвердил Бурдьё, добавив несколько смущенно, что с удовольствием бы опубликовал мой «замечательный текст» в своем журнале, если бы сам не выступал «в некотором роде героем этой истории». После неожиданно ранней смерти Бурдьё в январе 2002 г. пришло осознание, что долг памяти требует двинуть концепции французского социолога в новом направлении, которое он сам бы вероятно одобрил. Бурдьё не раз признавал свою идейную близость с Чарльзом Тилли, чьи историко-эмпирические теории становления современного государства, протестных мобилизаций и демократизации веско противостояли обычной ортодоксии в таких вопросах. Подход Тилли давал, в частности, продуктивную альтернативу однолинейной «транзитологии» – господствующему взгляду 1990-х гг. на переход бывших соцстран к рынку и либеральной демократии⁴. Вопреки репутации эпистемолога и социолога культуры, Бурдьё в первую очередь занимала проблематика социальной власти, особенно латентно скрытой в структурах и практиках обыденности. Его знаменитая полемичность объясняется не только приобретенной задиристостью крестьянского сына, вторгшегося в рафинированную среду парижских интеллектуалов. Пьер Бурдьё рубил направо и налево глубоко укорененные в современном интеллектуально-политическом сознании схемы как официального либерализма, так и политического марксизма, выявляя противоречия ортодоксий, обычно принимаемых за данность. В совершенно ином ключе Иммануил Валлерстайн, по его собственному выражению, занимается «рубкой цепкого подлеска» унаследованных от XIX в. великих ортодоксий⁵. Наконец, те же самые задачи ставил Тилли, предлагая свои в целом структуралистские решения⁶.

Дает ли эта общая идейная направленность трех крупнейших социологов конца XX в. возможность совместить их теоретические подходы? Что выйдет, если попытаться применить подобный синтез к рациональному анализу распада СССР? Можно ли надеяться получить целостную картину, которая увязывает структурные исторические факторы с социальными мотивациями и действиями отдельных групп и их представителей? Двигаясь в принципе в одном и том же направлении, Бурдьё, Тилли и Валлерстайн фокусируют свои теории на трех различных уровнях. Их можно соотнести со знаменитым делением исторических процессов у Фернана Броделя на три горизонта времени (темпоральности) и структурные «три этажа»: человеческой повседневности (Бурдьё), мезоуровня социальных сетей материального и политического обмена (Тилли), и длительной макроисторической протяженности, или *longue durée* (Валлерстайн). Идею оставалось проверить в реальном деле, написав такую книгу.

И тут вставала масса политических дилемм. Советский исторический опыт и распад СССР остаются обостренно актуальной историей. Пример иного уровня – как писать о войне в

³ Вскоре после отчаянного мятежа молодых исламистов в Нальчике в октябре 2005 г. я дозвонился Шанибову. Юрий Мухамедович был в гневе и ужасе от произошедшего, хотя лично ему, похоже, ничто уже не угрожало: «Кто теперь помнит Шанибова? Ребятам, погибшим вчера у нас под окнами, было всего по 4–5 лет, когда мое имя звучало по всему Кавказу».

⁴ Чарльз Тилли. *Демократия*. М.: Институт общественного проектирования, 2007; *Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг.* М.: Территория будущего, 2009.

⁵ Иммануил Валлерстайн. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М.: Логос, 2003.

⁶ Charles Tilly. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation, 1984.

Абхазии, зная, что книга будет прочитана и в Грузии? Или о Карабахе, когда фамилия автора явно армянская? Крайний случай – как рационально анализировать действия Шамиля Басаева или Салмана Радиева, не впадая в манихейскую риторику «войны с террором»? Дилеммы отнюдь не абстрактные. Несколько раз во время полевых интервью, когда собеседник вдруг уходил в травматичные воспоминания и начинал изливать душу, оказывалось, что я разговариваю с человеком, участвовавшим в чудовищных жестокостях. Хуже того, было ясно, что это вовсе не психопат, наркоман или садист, а, в целом, вполне нормальный мужик, мотивирующий свои действия, как правило, мстью или обстоятельствами войны. Не уверен, что и сейчас знаю, как правильное поступить.

Проблема остро возникла в конце 2003 г., когда вскоре после трагического захвата заложников в Москве на Дубровке Издательство чикагского университета попросило меня написать научное предисловие к книге репортажей Анны Политковской⁷. Выручил панорамный социологический взгляд Бурдые, позволявший расположить в поле социальных взаимодействий и Политковскую как носительницу давней русской обличительной традиции, восходящей к Радищеву, Короленко и советским диссидентам, и официальных представителей вроде Ястржембского, знакомого мне еще со времен его диссертации о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии Португалии национально-освободительными движениями африканских колоний, и чеченских повстанцев, и российских солдат, и их жертвы, и самих западных читателей, которым предстояло сделать свой выбор, прочтя эту нелегкую книгу репортажей, наконец, самого себя как профессионального проводника-социолога согласно принципу рефлексивности исследователя, выработанному Бурдые.

Ограничусь двумя необходимыми заявлениями. Во-первых, О деталях операций боевиков и силовиков мне не известно ничего сверх описанного в открытой печати, и я сознательно избегал такого рода информации. Дело социолога – прояснять социальную структуру из которой возникают различные действия вплоть до самых крайних. Во-вторых, я не стремился показать Шанибова ни злодеем, ни великим борцом. Это во многом типичный советский человек своего времени, чем он и ценен науке. Книга, в сущности, не о нем, а о его времени. Жизненная траектория Юрия Мухамедовича удивительно полно воплотила в себе взлет и падение советского проекта догоняющей модернизации. Здесь нам открывается возможность связать вместе микро– и макроуровни анализа недавней истории. Не в последнюю очередь Шанибов еще и вполне типичный представитель национальной группы кабардинцев, одного из некогда многочисленных черкесских народов. Это подводит нас непосредственно к возможности понять роль «национального фактора», сыгравшего такую (но какую именно?) роль в распаде СССР.

Легко было бы сосредоточиться на кавказской идентичности. Но Шанибов более интересен как раз тем, что националистом он становится довольно поздно в своей биографии. К началу перестройки ему уже исполнилось пятьдесят. Это зрелый человек с довольно длинной биографией, в которой много всего советского и абсолютно ничего антисоветского. Еще в первые годы горбачевской реформации он остается верным коммунистом, да и сегодня искренне сожалеет об утрате СССР. И вместе с тем, это давний и весьма характерный оппозиционер, чьи взгляды, ожидания и политические мотивации сформировались в период хрущевской «оттепели». С тех пор он противостоит местной номенклатуре – довольно долго в качестве коммуниста-реформатора, затем националиста, неизменно же обличителя и правдоискателя.

С поправкой на провинциальность Нальчика (но, опять же, что задает «провинциальность» в социальном поле?), наш университетский оппозиционер-шестидесятник вполне сравним с прогрессивной интеллигенцией Ленинграда или Праги. Тогда почему он в итоге становится не либералом Гавелом или Собчаком, а националистом Шанибовым? Почему на Кавказе

⁷ Georgi Derluguian, *Whose Truth? Introduction to: Anna Politkovskaya, A Small Corner of Hell: Reports from Chechnya*. University of Chicago Press, 2004.

революции против госсocialизма вовсе не «бархатные»? Почему, наконец, провалом заканчивается перестройка и попытки демократизации осколков бывшего СССР? Какие силы и процессы вместо ожидаемого вхождения в круг «нормальных стран» Европы отбрасывают большую часть нашего района мира на периферию, едва не в Третий мир? Если не впасть в иллюзию, будто Центральная Европа отдельный континент, то тестом на надежность теории распада СССР в первую очередь должна стать ее способность рационально объяснить дивергентное расхождение траекторий всех бывших соцстран.

Ох, проверка теории... Вечная проблема академической карьеры в Америке. Прибегну к анекдотической истории, какими еще не раз будут иллюстрироваться теоретические постулаты этой книги. Впервые попав в 1993 г. на крупную и весьма престижную конференцию, проводившуюся Фондом Макартуров и Советом по исследованиям в социальных науках, я едва не потерпел полное фиаско. Вежливо выслушав мой доклад о социальных типажах вождей националистических движений на Кавказе (ведь не случайно же среди них оказалось столько моих прежних коллег-востоковедов, а также поэтов, кинорежиссеров и художников), весьма формально одетая молодая дама, политолог из элитного университета, осведомилась тоном отличницы, к которой прикрепили второгодника, каковы критерии фальсификации моей теории и не кажется ли мне, что я впадаю в риск «тестирования по зависимой переменной»? Чувствовалось, что меня публично заподозрили в каком-то грехе, но каком?! Со всем своим советским образованием и научным любопытством, я до тех пор и не слыхивал подобных выражений. К счастью, мое оторопелое молчание прервала другая женщина, куда менее формально одетая в какой-то цветастый восточный бурнус и увешанная экзотической бижутерией, которая оказалась культурным антропологом из того же элитного американского университета. Она стала горячо отстаивать преимущества мультivoкальности, интердискурсивности, радикального сомнения и «плотного описания идентичности». Похоже, мне пытались прийти на выручку, только я совершенно не понимал, как. Развернулась нешуточная перепалка, захватившая всех американских участников. Это вдруг напомнило далекую африканскую ночь посреди Мозамбика, когда наша геологическая партия вместе со мной, студентом-переводчиком, попала в перестрелку между «контрас» из Национального Сопrotивления и бойцами Народной Армии. Стреляли и те и другие почему зря, преимущественно в воздух. Оставалось залечь и наблюдать, как высоко в бархатно-черном небе переливались очереди трассирующих пуль.

Конфуз, испытанный на той первой конференции, заставил провести годы в библиотеках ради самообразования как условия научного выживания. Все это так или иначе нашло выражение в книге, однако отечественного читателя ни к чему мучить критическими выкладками насчет политологического формализма и антропологического постмодернизма. В русском варианте книги сведен до минимума обязательный занудный разбор альтернативных гипотез и нет чуточку ёрнически названной главы о «Сложных триангуляциях», которая имела значение в основном при выдвижении на пожизненную профессорскую должность в Чикаго. В таком виде, надеюсь, книга становится стройнее и легче для восприятия.

Главная задача – при помощи исторической социологии наметить подходы к прояснению того, что произошло с СССР, со всеми нами, с современным миром и с героем нашего повествования Юрием Мухамедовичем Шанибовым. Теоретические принципы уже минимально обозначены в этом предисловии, а остальное должно проясниться по ходу повествования. Книга строится по нарастающей, от микроэмпирической картинки первой главы к теоретико-эмпирическому описанию последующих частей и завершающему макрообобщению. Остается поблагодарить тех, кто помог осуществить русское издание: переводчика Тиграна Ованнисяна, добровольного корректора Наталию Белых, главного редактора Валерия Анашвили и, конечно, Александра Львовича Погорельского. Особо хочу поблагодарить Юрия Мухамедовича Шани-

бова, достойно сносившего свое превращение в протагониста социологического разбора и мое не всегда почтительное отношение к его делам и идеям. Остальное в руках читателя.

Глава 1

Поле

Самое удивительное вознаграждение в ремесле социолога – возможность войти в жизнь других людей и приобрести опыт, на основе всех накопленных ими знаний.

Pierre Bourdieu and Loïc Wacquant, An Invitation to Reflexive Sociology. (Chicago, 1992)

Прежде чем перейти к историко-теоретической реконструкции связей, ведущих из прошлого в настоящее и будущее (что и является главным методом данной книги), следовало бы приобрести практическое чувство сложной и, возможно, даже экзотичной среды, которую нам предстоит исследовать⁸. Практическое восприятие составит нам то, что пронизательный австриец Шумпетер называл «видением» поля и немало ценил как «доаналитический акт познания, поставляющий сырьевой материал для аналитического рассмотрения»⁹. В этой вводной главе я постараюсь передать первые впечатления и наблюдения, которые обычно возникали у людей, посещавших в 1990-е гг. места вроде Чечни и Кабардино-Балкарии. Эта глава станет социологическим подражанием тому, что естественным путем приходит к опытным журналистам-международникам, в особенности когда им предоставляется достаточный простор для выражения. Имеется в виду не повседневная новостная заметка, а более крупные итоговые материалы, которые предполагают обретение значительной глубины и композиционной свободы при написании и последующем редактировании. Именно из такого процесса возникают лучшие журналистские книги или длинные повествовательно-аналитические статьи, подобные тем, которыми славится элитарный еженедельник «Нью-Йоркер». Журналисты основываются на практическом знании реалий, возникающем из опыта многолетнего нахождения в определенном районе мира. Высшее мастерство журналиста состоит в умении перевести свое глубокое интуитивное знание необычных реалий в понятные своему читателю образы, ситуативные сценки и поясняющие сравнения, которые позволяют аудитории войти в логику событий и человеческих характеров.

Будучи социологом, а не журналистом, я соотношу полевые наблюдения с теоретическими концепциями, почерпнутыми из современной социологической науки, и строю свою интуицию (без которой никуда не денешься и в науке) более сознательно и рефлексивно на профессиональном знании исследовательских методов. По ходу дела попробуем выдвинуть некоторые предварительные гипотезы, увязывающие эмпирические наблюдения, собранные на поверхности, с более глубинными структурными процессами исторических изменений, которые могут быть реконструированы лишь теоретически.

Американец или европеец, впервые очутившийся на Кавказе (а точно так же, надо признать, будет себя чувствовать и большинство русских), оказывается посреди хаотического потока ярких и порою слишком сильных впечатлений. Поначалу это просто ошеломляет. В качестве нормальной, предсказуемой реакции мозг пытается заузить поток информации, поставить заслон мельтешению все новых впечатлений, прикрыться какими-нибудь привычными стереотипами и схемами насчет иноязычного разноголосья. Замечу, что одним из самых распространенных способов защиты от избытка впечатлений как раз и выступает переэкзо-

⁸ Спасибо Бенедикту Андерсону и Петеру Катценштайну, моим наставникам в Корнелльском университете в 1993–1994 гг., настоявшим, чтобы помимо сбора формализованных чисто научных данных я им писал письма-отчеты о поездках на Кавказ.

⁹ См. Richard Swedberg, *Schumpeter: A Biography*, Princeton: Princeton University Press, 1991, p. 181.

тизация чужой жизненной реальности. За непривычными одеждой, речью, поведением, прочими внешними этническими и классовыми признаками мы нередко отказываемся разглядеть знакомые человеческие типажи – таксист-«водила», старушка, женщина с ребенком, молодой щеголь, уличный жулик, группка зевак, интеллигентного вида прохожий, полицейский-«мент», чиновник, торговка – людей со вполне обычными житейскими заботами, комплексами, слабостями, предпочтениями. Кто-то из них нам может быть полезен, кого-то лучше бы избегать, большинство просто обтекает нас в потоке жизни.

Приведенные в данной главе впечатления представлены в виде серии отдельных «фото-снимков», запечатленных мгновений из повседневности Северо-Кавказского региона, которые нам предстоит исторически контекстуализировать и подвергнуть аналитическому разбору в последующих главах. А пока будем просто наблюдать и записывать – хотя это занятие может оказаться не столь простым, как кажется. Следует сознательно обращать внимание на вещи и явления, которые могут быть сочтены слишком обыденными и общеизвестными, чтобы удостоиться письменного упоминания. Например, путешественник родом из страны, где рис является основой национальной кухни, в своих записках наверняка пропустит то обстоятельство, что местные жители также едят рис. Упоминание о «хлебе насущном» обитателей других стран появится лишь в том случае, если в пищу идут необычные для нашего путешественника продукты – скажем, жареные бананы либо выпекаемые в печи-тандыре лепешки из пшеничной муки, просяная или кукурузная каша-мамалыга или такое американское диво, как неделями не черствеющий нарезанный хлеб в пластиковой упаковке. Историки и этнографы, конечно, профессионально подготовлены замечать подобные преломления действительности в письменных источниках. Но это далеко не единственное из грозящих нам заблуждений.

Иногда наблюдаемое явление может быть искажено нашими собственными ожиданиями определенных результатов. (Методологи позитивистского толка на своем жаргоне именуют это «сбором данных по зависимой переменной».) Например, иностранный ученый, приехавший изучать роль ислама в политике на Кавказе, может настолько сконцентрироваться на предмете своего исследования, что не заметит важные вариации и взаимосвязи в более широких рамках социальной среды и исторического контекста. Разумеется, физики или химики, чья область исследований предоставляет роскошь работы в лабораторных условиях, преднамеренно и тщательно изолируют предмет эксперимента от интерференций окружающей среды – с тем чтобы рассмотреть вещество в клинически чистой и концентрированной форме. В соответствии с подобным сверхнаучным подходом старательный исследователь, взявшись за изучение нынешнего движения исламского возрождения, может потратить все свое экспедиционное время на посещение мечетей-новостроек и беседы с муфтиями и активистами, а эксперт по партизанской войне потратит уйму сил и, вероятно, пойдет на изрядный риск, чтобы пообщаться с боевиками и их политическим руководством. Разумеется, в данном случае мечети и боевики есть наиболее концентрированные проявления избранной проблематики. Такого рода проблематику, конечно, можно заподозрить в юношеском мачизме на грани поиска приключений, чем, надо признать, грешит немало начинающих журналистов, которые видят ценность информации в самой ее недоступности. Тем не менее ничуть не меньшую сфокусированность на искусственно изолируемой теме и респондентах легко обнаружить и во многих гендерных исследованиях, которые не без интеллектуального апломба начинают и заканчивают абстрактно-идеологической категорией женщин. Это вовсе не означает, что гендер не важен – о чем ниже. Однако какое социальное явление может существовать в изоляции от своей исторической системы? Стоит исследователю воспринять подобный научный педантизм, как она или он оказывается на краю ловушки идеологического штампа. Тогда в фокусе исследования вместо людей со свойственными им внутренними противоречиями, грузом прошлого, текстурой социальных взаимосвязей и зачастую парадоксальным сочетанием нескольких с трудом

сопрягаемых социальных ипостасей возникают яркие, но совершенно плакатные образы, олицетворяющие те или иные идеологемы: бойца, исламиста, демократа, женщины.

Примером может служить приводимое ниже описание моей первой встречи с Мусой Шанибовым. Если бы не моя случайная обмолвка, резко повернувшая ход разговора, Шанибов мог бы быть занесен в полевой отчет лишь в качестве пламенного идеолога и вождя горского национализма, гордо носящего свою традиционную каракулеву папаху. Однако в таком случае могла бы ускользнуть от нашего внимания вся предыдущая, глубоко советская жизнь этого незаурядно одетого человека, точнее, его обыденное для брежневского периода существование в карьерном застое и провинциальной ограниченности возможностей, в то же время наполненное дружескими контактами, музыкой, чтением книг, включая ту классику критической социологии, которая была доступна в тогдашнем Нальчике, и нереализованными мечтами об общественных преобразованиях.

Для пояснения метода данной книги также необходимо с самого начала честно оговорить, что я здесь выступаю не только ученым-социологом, но еще и местным «папуасом» (как все мы есть «туземцы» в каком-то родном уголке мира). Я родился и вырос в Краснодаре, одном из наиболее крупных, многонациональных, хотя одновременно и более русских городов Северного Кавказа. По мере взросления я неизбежно приобретал интуитивное практическое знание местных реалий. Однако данная социализация так и не дошла до уровня «естественного» безотчетного габитуса. Сразу после десятого класса, в шестнадцатилетнем возрасте, я уехал на учебу в Москву, где в МГУ изучал африканские языки и культуры. Затем несколько лет работал переводчиком португальского в Мозамбике, где впервые оказался на войне, а как социолог профессионально сформировался уже в Америке после 1990 г. Честно говоря, самому не верится, что эта книга написана на изначально мне совершенно чужом английском языке. Когда я учился в седьмом классе, наша полная собственной значимости завуч-«англичанка» без обиняков предложила моим расстроенным родителям перевести их сына, не проявлявшего способностей к языкам, в менее престижную школу для «нацменов», что в Краснодаре означало адыгейцев, греков, ассирийцев и армян. Завуч щедро пожелала мне подучиться нормальному русскому – хотя это мой родной язык, конечно, от рождения я «гыкал» как заправский кубанец. Мой отец-армянин и мама-казачка говорили между собой только по-русски, хотя и неизбежно с мало ими осознаваемыми особенностями местного говора. Впрочем, моя бабушка Еля – Елена Мироновна Тарасенко – до конца своей долгой и очень нелегкой жизни так и не заговорила на нормативном русском. От нее в основном я и унаследовал навык балакать по-станичному.

Для социологических целей оказалось неожиданно полезным, что при работе на Северном Кавказе во мне сочетались способность образованного чужестранца подмечать свежим взором местные особенности (например, манеры или блюда национальной кухни) и усвоенное с младых ногтей знание данной социальной среды (скажем, почему именно эти блюда подаются на стол в данном случае). Это означает, что в отличие от антропологов, страноведов или журналистов-международников, в данном случае мне не требовалось годами вживаться в иноэтническую среду, потому что я и без того в ней вырос. В этой книге я исследую свою собственную родину. Пьер Бурдьё называл это «удачной двойственностью» наблюдателя. Он и сам использовал подобное преимущество при изучении провинциальной жизни в юго-западных областях Франции, в горах Беарна, откуда Бурдьё был родом¹⁰.

Однако знание местных условий также налагает свои собственные ограничения. Например, в обществе с сильными патриархальными традициями я, будучи мужчиной, зачастую не имел возможности задавать вопросы женщинам. Причем такой возможности может и не представиться. Как гласит местная пословица, гость на Кавказе – пленник хозяев. Представьте-ка,

¹⁰ Pierre Bourdieu, *The Logic of Practice*, Cambridge: Polity Press, 1990, p. 16, и личная переписка в 1997 г.

каково сидеть за торжественным столом с хозяином дома (вполне быть может, таким же преподавателем университета), тогда как его старший сын молча и с почтением внимает беседе старших, либо того пуще, аспиранты стоят почтительно у стены, как того требуют традиции местного церемониала, будто бы мы пирующие князья, а они – наши молодые оруженосцы, чьей обязанностью является наполнять бокалы, если не кавказский рог-ритон. Женщины появляются из кухни лишь на минуту, чтобы подать новые блюда: мясо с зеленью, домашние соленья, лепешки с сыром, традиционные местные пельмени или галушки в чесночном соусе. Женщины радушно улыбаются, но при главе семейства и госте не проронят ни слова. Как американский социолог, я подозреваю, что они могли бы представить свой, быть может, совершенно неожиданный взгляд на те же проблемы современных исламских движений или на партизанскую войну. Однако для того, чтобы поговорить с ними, следует ждать менее жесткой в плане ритуальной обязательности обстановки.

Такого рода случаи могли представиться порой совершенно неожиданно. Как-то посреди торжественного обеда в квартире у Шанибовых в резко распахнувшиеся двери вдруг хлынули спецбойцы в масках и бронежилетах, наставившие на нас короткоствольные автоматы. Из-за их спин вышел полнеющий милиционер с папочкой подмышкой. Он представился местным участковым, навестившим нас, чтобы проверить паспорта. Так я получил подтверждение, что за квартирой Шанибова ведется постоянное наблюдение – меня с иностранного вида спутниками заметили входящими в подъезд. Надо признать, что накануне в окрестностях города был замечен и в очередной раз ушел от преследования Шамиль Басаев, некогда воевавший в Абхазии под началом Шанибова, так что интерес милиции к его гостям не назовешь совсем уж праздным. Хозяин вскочил из-за стола и пустился протестовать на эмоциональной смеси русского и кабардинского языков. Он грозил пожаловаться министру внутренних дел республики, взывал к совести и разуму, стыдил невозмутимого участкового-кабардинца за столь грубое поправление обычаев черкесского гостеприимства. Величественно обходя группу вторжения, из кухни появилась хозяйка дома, благородного вида матрона, неожиданно решительно бросившая своему мужу по-русски: «Шанибов, помолчи! Сколько мы уже мук приняли из-за твоего характера...» Вождь горских народов действительно умолк, обстановка несколько разрядилась, а я не без облегчения достал паспорт и сел писать объяснительную на имя начальника ГУВД г. Нальчика. Из-за спины матери возникла дочь, которая с удивительной прирожденной грацией черкешенки несла серебряный поднос с запотевшими хрустальными бокалами «нарзана». Последовала поразительно сложная многовекторная пантомима, только ради которой стоило пережить милицейский рейд. Любезно поднося мне бокал холодной минеральной воды, дочь Шанибова ласково и ободряюще улыбнулась мне одними глазами, одновременно предупреждая щеря красивые ровные зубки в направлении отца: «Папа, спокойно!» И при этом она острым локотком, как бы проходя, прошла в сантиметре от крупного носа участкового, которому никакого бокала не досталось. Так я уразумел кое-что весьма существенное и ритуально сокрытое в характере гендерной иерархии в советско-национальном семействе Шанибовых. Впрочем, это будет первое и последнее описание семейного быта нашего героя в этой книге. Данный эпизод уже дал нам достаточный эскиз социологического представления, и незачем более вторгаться в личную жизнь Шанибовых.

Одним из методов преодоления вышеуказанного затруднения на гендерном уровне является сознательная проверка и компенсация собственных наблюдений описаниями и анализом журналисток, таких как Галина Ковальская, Санобар Шерматова, Анна Политковская или прекрасно владеющая русским языком француженка Анн Нива, талант и смелость которых заслуживают глубочайшего уважения¹¹. Очень многое мне также удалось почерпнуть из письменных

¹¹ Галина Ковальская, погибшая в 2003 г. при падении вертолета, была, по моему твердому убеждению, одним из лучших российских журналистов. Ее статьи публиковались такими изданиями, как «Итоги» (до 2001 г.), а затем «Московскими

материалов и разговоров с коллегами-женщинами, такими как уроженки Абхазии Рита Мама-сахлиси-Кузнецова и Мзия Гочуа, карабахская армянка Нона Шахназарян и изумительно пред-приимчивая дагестанка Галина Хизриева – они, в отличие от меня, могли задавать вопросы, которые бы никто не стал обсуждать с женщиной. Одним из самых важных информантов, спо-собных не только на тонкие наблюдения, но и на последовательное их изложение в первичном обобщении, всегда служила моя мудрая старшая сестра.

Важность и неочевидность гендерных соображений в кавказском контексте может быть продемонстрирована, казалось, простым вопросом: как наиболее последовательно придержи-вающиеся традиций семьи, в которых господствует отец, относятся к уходящему воевать в горы сыну? Вот отрывок из описания общей модели отношения, полученный от знатока мест-ных реалий: *«Предполагается, что матери не могут вмешиваться напрямую в обсуждение таких сугубо мужских дел, однако в действительности именно за ними остается последнее слово. Мать может молча появиться, из кухни с вещами сына, аккуратно уложенными, для долгого пути, а может и громко огласить свой запрет, и в таком случае он сможет уйти, только через ее труп¹²»*. Не исключено, что это романтизированная версия происходящего. Однако даже фрагментарные данные о происхождении боевиков, воевавших не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе и Абхазии, свидетельствуют о непропорционально боль-шом числе выходцев из семей, насчитывавших трех и более сыновей. В целом завершившаяся в 1950-1960-х индустриализация страны сделала подобные многодетные семьи сравнительно редким явлением в советских республиках. Лишь в определенных социальных и этнических группах (например, среди чеченцев сельских районов) все еще поддерживался высокий уро-вень рождаемости. Разумеется, среди воевавших можно было увидеть и единственных сыно-вей, однако в основном это были идеалистически настроенные студенты из городов.

Очевидно, что в охваченных войной регионах старшие в семьях женщины оказываются вовлеченными в сложнейшие, невысказываемые переговорные процессы в рамках собствен-ных семей и сетевых сообществ (соседей, родственно-клановых связей, конфессиональных групп), где определяются вопросы статуса семьи. Будет ли отсутствие добровольца в имеющей нескольких сыновей семье рассматриваться как постыдная непатриотичность? Но можно ли позволить единственному сыну уйти на войну? Важное обстоятельство для рассматриваемого здесь патриархального уклада: чем больше сыновей, тем выше у женщины положение в обще-стве. Самоотверженная мать героя патриотической войны достигает наивысшего возможного положения в обществе и, таким образом, вносит значительный вклад в укрепление статуса как своей семьи, так и рода в целом. Данная гипотеза, очевидно приложимая также к палестинцам, иракцам и афганцам, потребует кропотливой проверки женщинами-исследователями в соот-ветствующих регионах. Скорее всего, именно так недавние межэтнические войны укрепили начинавший было распадаться патриархальный тип распределения гендерных ролей. Однако на остальных направлениях вопросы гендерного порядка остаются весьма неоднозначными, что я далее попытаюсь показать на примере материалов своих наблюдений по статусу женщин в чеченском обществе периода войн. Отчасти это обусловлено всеобъемлющим воздействием на народы Кавказа советских моделей социальной мобильности и обязательного образования. Но ничуть не менее это социальный репертуар выработанных кавказскими женщинами разно-образных гендерных стратегий, служащих для преодоления суровых бытовых тягот, невзгод и многочисленных угроз выживанию.

Непосредственной задачей данной главы является предоставить читателю элементарно практическое этнографическое описание сравнительно малоизученного региона, который вдо-

новостями» и «Еженедельным журналом». Что до убитой в 2006 г. Анны Политковской, издательство Университета Чикаго некогда оказало мне честь, попросив написать научное предисловие к сборнику ее заметок. См. Anna Politkovskaya, *A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya*, Chicago: Chicago University Press, 2004.

¹² Беседа с «Ч.». Февраль 1995 г.

бавок еще густо овеян флером романтичности либо, наоборот, стал восприниматься в постсоветские времена через грубо упрощающую призму бытовых негативных стереотипов. В самом деле, Кавказ постоянно рисуется весьма цветисто – как иностранцами и приезжими, так и местными обитателями, в особенности когда последние пытаются произвести впечатление на первых¹³. На Западе литературная традиция романтизации Кавказа восходит ко временам дворянских путешественников викторианской эпохи. Ряды странствующих джентльменов XIX в. (в основном англичан и немцев) состояли из географов, офицеров, шпионов, дипломатов, искателей приключений, вплоть до самого Александра Дюма-отца, путешествовавшего по Российской империи в конце 1850-х. Их описания населяющих регион народов (будь то горцы или мои казачьи предки по материнской линии) неизменно сводились к стереотипу благородных дикарей, живущих по своим суровым законам среди первозданной природы¹⁴.

Русская литература создала собственную внушительную мифологию Кавказа, идущую от Пушкина, Лермонтова и Толстого к Солженицыну и Фазилю Искандеру¹⁵. В конце XX в. традиции романтизации с новой силой возродились в речах националистов Кавказа, а также в симпатизирующих чеченцам и другим кавказским народам художественных произведениях (например, номинированном на «Оскар» фильме «Кавказский пленник», сделавшем знаменитым Сергея Бодрова). Наиболее сильно романтикой пронизано освещение чеченских войн западными СМИ¹⁶. В этой главе, да и во всей книге я попытаюсь, по крайней мере, повернуть вспять эту тенденцию романтирования, выставя против плакатных стереотипов более стереоскопичную и контекстуализированную картинку в усложненной текстуре. Это не означает, что картинка выйдет красивее, но, надеюсь, она окажется ближе к реалиям Кавказа, которые мне довелось наблюдать и пережить.

¹³ Разумеется, антропологам это явление хорошо известно. См. например, Marshall Sahlins, «Cosmologies of Capitalism: the Trans-Pacific Sector of 'The World System'» in Nicholas B. Dirks, Geoff Eley, and Sherry B. Ortner (eds), *Culture/ Power/History*, Princeton: Princeton University Press, 1994.

¹⁴ Невероятные ситуации, биографические подробности и романтическая атмосфера этих путешествий, относящихся к географии восходящего империализма Запада, мастерски представлены в работе Neal Ascherson, *The Black Sea*, London: Johnatan Cape, 1995.

¹⁵ Литературное исследование данной традиции см. у Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, New York: Cambridge University Press, 1994.

¹⁶ В конце 1994 г., когда российские войска начали продвижение вглубь Чечни, популярный еженедельник «Аргументы и факты» опубликовал результаты социологического опроса жителей больших российских городов об источниках их информации и их мнении о чеченцах. Выяснилось, что лишь 7 % опрошенных когда-либо лично встречались с чеченцами (причем тогда у большинства остались положительные воспоминания). Около 40 % получали информацию из телевидения и газет, и приблизительно столько же назвали в качестве источника своих впечатлений стихи Лермонтова и повести Толстого, являвшиеся составной частью школьной программы. Заметим, что взрослые чеченцы, которые учились по той же школьной программе, хорошо осведомлены о своем литературном имидже и, как правило, им гордятся.

Чечня, площадь Свободы

В январе 1997 г. вместе с антропологом Игорем Кузнецовым мы как-то провели добрую половину дня, наблюдая митинг на площади Свободы в Грозном – лежавшей в руинах столице Чечни. Моей основной задачей было наблюдение социальных взаимодействий и, по Эрвину Гоффману, саморепрезентаций, повседневных микроритуалов, возникавших на митингах в ходе предвыборной президентской кампании. Пространство огромной площади было четко разделено на выступающих политиков; маленькие группки их активных сторонников, собиравшиеся вокруг импровизированных трибун на платформах грузовиков; значительно более многочисленную группу в несколько тысяч человек, которые могли за несколько минут из внимательных слушателей обратиться в равнодушных скучающих наблюдателей; и, наконец, десятки иностранных корреспондентов, занявших вместе со своей загадочно-внушительной профессиональной теле- и фототехникой позиции по внешнему периметру митинга.

Как выяснилось позднее, это был период лишь временного перемирия. Несколькими неделями ранее российские войска были выведены из Чечни, где в августе 1996 г. они неожиданно потерпели ряд ошеломительных поражений. Было заключено перемирие, а также достигнуто соглашение о проведении президентских и парламентских выборов в Чечне при участии международных наблюдателей. На краткий миг показалось, что это было многообещающее начало новой, мирной эпохи и де-факто независимости Чечни – перспектива, заставившая съехаться две сотни журналистов со всего мира.

В действительности в день нашего приезда в Грозном было холодно и сыро; кругом лежала липкая густая грязь. Несмотря на героические меры по расчистке главных улиц, предпринимаемые новым градоначальником и его командой добровольцев (которым пока только обещали заплатить), шагать нам приходилось по оставшейся от недавних боев хрустящей мешанине из битого стекла, штукатурки, кирпича и стреляных гильз. Сменявшие друг друга у микрофонов чеченские активисты среднего звена часами повторяли стандартные патриотические лозунги того времени. Большинству пришедших на митинг происходящее уже порядком наскучило. Часть из них сбилась в маленькие кучки; в некоторых из них шли жаркие споры, прочие лишь наблюдали за происходящим или просто курили. Однако, несмотря на все это, площадь однозначно была местом основных событий – тем, что Рэндалл Коллинз мог бы назвать центром эмоционального внимания¹⁷. Несмотря на плохую погоду и малоинтересных выступающих, люди не могли покинуть площадь. В воздухе витала всеобщая потребность держаться вместе, обсуждать государственные дела и быть свидетелем тому, как делается история.

Вероятно, наилучшим подтверждением данного переживания было присутствие на площади плотно сбитых стаяк болтающих друг с дружкой девочек-подростков; почти все они носили модные кожаные плащи турецкой выделки и держали в руках разноцветные пластиковые пакеты магазинов беспощинной торговли Абу-Даби или Кипра. Выглядели они скорее так, будто направлялись на шопинг или дискотеку, а не присутствовали на политическом митинге. Эти вполне обычные городские девочки, пожалуй, даже превосходили числом более необычно одетых людей – тех, кто пришел в камуфляжной военной форме, традиционных черкесках или папах либо предписываемых исламскими нормами шаях на головах у женщин – однако никто, конечно, не замечал слишком обыденного присутствия этих школьниц или студентов.

Разумеется, собравшиеся журналисты не могли упустить мальчика лет пяти-шести, одетого в новехонькое подобие полевого камуфляжа и вооруженного игрушечным автоматом,

¹⁷ Randall Collins, «Social Movements and the Focus of Emotional Attention,» in Jeff Goodwin, James Jasper and Francesca Poletta (eds), *Passionate Politics: Emotions and Social Movements*, Chicago: University of Chicago Press, 2001, pp. 27–44.

которого гордые родители торжественно водили по площади. Щелкали затворы фотокамер, сверкали блицы, сияющие родители чуть нарочито позировали, прохожие улыбались и некоторые сюсюкали малышу; атмосфера происходящего имела карнавальнй оттенок – вероятно, из-за ангельского личика ребенка и искренней гордости, распиравшей родителей. Позднее я не раз встречал в российской, чеченской и западной прессе снимки этого самого мальчика, сопровождаемые совершенно разными подписями: «Чечня: борьба до конца», «Нация жива!» или же «Бандиты сызмальства», «К джихаду готовы».

В остальном журналисты также выглядели крайне скучающими и обсуждали между собой возможность подыскать место с более активным или живописным действием. Нам с Игорем оставалось лишь бродить по окрестностям площади (избегая руин со множеством неразорвавшихся боеприпасов) и подмечать подробности.

Первым, что привлекло наше внимание, были уличные указатели. Надпись на фанерке, прикрепленной к покалеченному и насквозь простреленному фонарному столбу, гласила: «Штаб Исламского батальона переехал по адресу: ул. Розы Люксембург, 12». Вот такое ироническое сочетание восходящей политической силы и легендарного, ныне никому не понятного имени из социалистического прошлого. Другие наименования были абсолютно неожиданным воплощением недавних политических мер правительства Ичкерии: *проспект Михаила Горбачева* и *площадь Никиты Хрущева*. Где, в каком еще городе можно было обнаружить площадь, носящую имя Хрущева?! Конечно, это он в 1957 г. отменил сталинский секретный указ о ссылке чеченцев и ингушей и не стал препятствовать их возвращению на родину предков. Эти уличные названия были проявлением публичной благодарности двум добродетельным российским правителям, двум потерпевшим поражение поборникам демократических преобразований¹⁸.

Важнее всего, что это не было исключительно официальной попыткой разглядеть положительные стороны в советской эпохе. Во многих обыкновенных чеченских семьях мы слышали с воодушевлением рассказываемые нам стандартные истории: о русском солдате или железнодорожнике, бросившем буханку хлеба в товарный вагон депортируемым чеченцам; о раскулаченном старом казаке, сосланном в Казахстан еще перед Великой Отечественной войной, который отдал свою бурку чеченским детям в первую холодную зиму; о доброй женщине из поволжских немцев, делившей молоко от своей единственной коровы. Подобные рассказы (возможно, и сильно преукрашенные) должны были подчеркнуть, что чеченцы никогда не забывают добра – как, впрочем, и зла. Главное – подобные истории о доброте делали для самих чеченцев психологически возможным мирное соседство с русскими сегодня и в будущем.

Во время нашей поездки столица Чечни более не именовалась Грозный – во всяком случае, официальными лицами. Несколькими днями ранее указом исполняющего обязанности президента Зелимхана Яндарбиева Грозный был переименован в *Джохар-кала*, (город Джохара) в честь первого президента генерала Дудаева, годом ранее убитого российской управляемой ракетой. Имя Грозный было не только русским, но и однозначно колониальным. Оно было дано в 1818 г. городу его основателем, кавказским наместником генералом Ермоловым, печально известным беспощадными карательными мерами по усмирению горцев.

Смена имени была, однако, явственно направленным на повышение собственного рейтинга Яндарбиева. После революции 1991 г. этот бывший советский поэт стал идеологом, стоявшим за президентом Дудаевым. Большинство чеченцев не особенно принимало Яндарби-

¹⁸ Позднее я рассказал Сергею Никитовичу Хрущеву, который давно живет в Америке, о названной в честь его отца площади – что было для него неожиданностью. Подобным же образом, и М. С. Горбачев лишь отдаленно слышал о носившем его имя проспекте в Чечне. Чеченским националистам не удалось донести до целевой аудитории свое послание. Показательнее, что и журналисты не сумели заметить данный факт, не соответствовавший общепринятому штампу восстания чеченцев против русских.

ева всерьез – что проку в интеллигенте, оказавшемся в тени харизматичного авторитарного лидера? Однако Яндарбиев явно обладал свойственным провинциальным поэтам повышенным самомнением и густо украсил стены и столбы Грозного-Джохар-калы своими предвыборными плакатами. Все в его образе дышало несколько выпяренным символизмом: недавно отращенная длинная борода с проседью, вероятно, символизировала мудрость и набожность; высокая каракулевая папаха должна была свидетельствовать о верности кавказским традициям, камуфляжная куртка указывала на бытность воином, тогда как видневшиеся из-под нее белая сорочка и галстук являлись признаками принадлежности к городскому интеллектуализму. Надпись на плакате подытоживала: «Политик. Поэт. Патриот»¹⁹.

Собственно, и сам генерал Дудаев при жизни также не всегда воспринимался всерьез – во многом благодаря бесконечным громогласным заявлениям, находившимся в очевидном противоречии с реалиями хаоса и развала, последовавшего за крахом СССР и провозглашением Чечней независимости. Это противоречие еще более усугубилось в ходе недавней войны, в которой Дудаев не отличился полководческими способностями. На самом деле сопротивление российским войскам в декабре 1994 г. было организовано совместными усилиями Аслана Масхадова, рассудительно профессионального полковника-артиллериста, в прошлую бытность названного лучшим офицером советской группы войск в Венгрии, и Шамиля Басаева – бывшего студента, отчисленного из Московского института землеустройства за неуспеваемость, но оказавшегося блестящим самоучкой в партизанских действиях, хотя и мало в чем другом. На президентских выборах 1997 г. герои войны Масхадов и Басаев выступали явными фаворитами и соперниками. Однако Джохар Дудаев оставался мученическим символом проекта национальной независимости Чечни образца 1991 г. Теперь, в зимние дни 1997 г., несмотря на мрачную погоду, столь полный воодушевления от недавних побед и надежд на второй запуск чеченской независимости, главным наследником Дудаева стремился выступить временный президент Зелимхан Яндарбиев. Поэту независимости, однако, предстояло побороться за пост с такими полководцами недавней войны, как Масхадов и Басаев. Именно в этом политическом контексте Яндарбиев пытался теперь придать символичность имени первого президента названию чеченской столицы. Может быть, поэтому никто, за исключением крайних националистов и наборщиков официальной периодики, пока не употреблял названия Джохар-кала. Переименования всегда есть форма политической борьбы, пускай и символической.

Более того, сама Чечня уже была не Чечней, а в своеобразной попытке достичь компромисса носила имя «Чеченская Республика Ичкерия», что было типично националистическим измышлением традиции. Слово «Ичкерия» не чеченского корня. Это в действительности два слова на кумыкском, одном из языков Дагестана, унаследованном от некогда господствовавших в степи тюрков-половцев. «*Ичкери*» приблизительно означает «вон там», по ту сторону какой-нибудь горы. Почти тысячу лет господствовавшие среди народов степи тюркские языки – кумыкский и татарский – служили, подобно суахили в Восточной Африке или французскому среди аристократий Европы, общей *lingua franca* на многонациональном Северном Кавказе. Когда ввиду геополитических перемен Великая степь Евразии перестала быть пограничьем, на смену тюркским наречиям в качестве языка межнационального общения пришел русский. Однако в конце XVIII в. кумыкский все еще оставался общеупотребительным на Кавказе, и именно тогда российские военные картографы восприняли от своих местных проводников топоним «*ич кери*». В 1810-1830-х Ичкерия означала горную юго-восточную часть собственно Чечни, а затем постепенно вышло из употребления. Пришедшее ему на смену наименование «Чечня» обязано своим существованием также типично колониальной картографической

¹⁹ 13 февраля 2004 г. Зелимхан Яндарбиев был убит в результате подрыва машины в Катаре, где он жил в эмиграции после того, как приютившие его талибы лишились власти в Афганистане. Полиция Катара вскоре арестовала сотрудников российских спецслужб, обвиняемых в осуществлении покушения.

практике. По названию первого приграничного села Чечен-аул чеченцами стали именовать языковую группу местных жителей, которые причинили немало беспокойства расширяющейся Российской империи.

Разделив участь многих полузабытых слов, Ичкерия со временем приобрела немного поэтического оттенка, еще более усиливавшегося мелодическим звучанием для слуха, привыкшего к звучанию индоевропейских и тюркских (но не гортанных кавказских) языков. Это название сохранилось в основном благодаря стихам Лермонтова – русского отклика на бунтарский гений Байрона. Показателем разницы между породившими этих двух поэтов империями может служить их судьба – если Байрон сам искал смертельно опасных приключений в войне за свободу Эллады, то поручик столичного гвардейского полка Лермонтов был сослан на Кавказ за написание получившего широкую известность стихотворения на трагическую смерть Пушкина в 1837 г. (вполне обычное наказание для своевольных и политически неблагонадежных офицеров в правление приверженца строжайшей дисциплины Николая I).

Минули эпохи. В ноябре 1990 г., когда перестройка вступала в свою последнюю пасмурную зиму, Второй съезд чеченского народа решил вновь предпринять усилия по обретению независимости (заметим, Первый съезд состоялся в 1918 г., в разгар Гражданской войны). При подготовке ко второму съезду выяснилось, что у Чечни нет собственного исконного имени. Единственным наследством было самоназвание народа – *нохчи*, т. е. просто «люди, народ» – равно как и этнонимы *тюрк*, *банту*, или *Deutsch* изначально имели в соответствующих языках значение именно «люди», т. е. свои, люди понятного языка (отсюда и славяне или словене – скорее всего от «слово», люди понятного языка). Отсутствие совпадающего с областью расселения данного народа политически независимого образования вполне закономерно стало причиной отсутствия названия всей страны. Однако на дворе был 1990 г., и все русифицированные советские названия (как и дискредитировавшие себя политические институты советского федерализма) отвергались без колебаний: Белоруссия стала Беларусью, Молдавия – Молдовой, Татария – Татарстаном, Якутия – Саха, Калмыкия – Хальмг Тангч.

Спеша подобрать подходящее имя для своей страны, первопроходцы нового чеченского национализма устремились в разных направлениях. Предлагаемые названия *Нохчи-Мохк* (буквально: Страна чеченцев) или *Нохчи-чьо* (Чечен-ия), быть может, вполне соответствовали грамматике и богатой согласными фонетике северокавказских языков, однако звучали слишком ново, как-то странно и искусственно. Они так и не прижились. В провинциальной по сути Чечено-Ингушской АССР ни один ученый или писатель не обладал достаточным институциональным и моральным авторитетом, чтобы настоять на своем варианте.

Гордиев узел был разрублен бравым генералом Дудаевым – чеченцем, большую часть своей жизни проведшим в гарнизонных городках по всему Советскому Союзу. Это мало способствовало совершенному знанию родного языка, однако Дудаев был горячим поклонником Лермонтова и во время офицерских застолий, бывало, пространно и с чувством наизусть декламировал его стихи об отважных чеченских молодцах, во весь опор несущихся на сечу. Возражения, что Лермонтов был типичным европейским романтиком, описывавшим чеченцев как великолепных кровожадных дикарей, совершенно не смущали Дудаева и отменялись как излишне педантские, вернее, как любил выражаться генерал, крохоборские. Название «Ичкерия» дышало славой, историей, объединением нации. Кроме того, такое слово писалось и произносилось куда легче, чем *Нохчи-чьо* – а это, нельзя не признать, немаловажное обстоятельство в задаче нанести на мировую карту новое государство.

Архитеррорист

В центре дорожной развязки среди типично советских многоэтажных «Черемушек» стояла возведенная еще в советские времена железная стела, ныне испещренная следами от пуль и осколков и покрытая ржавчиной. Горьким ироничным напоминанием о временах (пусть даже и неоднозначных) прежнего процветания были большие потускневшие буквы типично советского лозунга: «Народы планеты! Берегите мир!» Совсем недавно стела была обклеена предвыборными портретами бородатого и украшенного ичкерийскими орденами Шамиля Басаева, сопровождаемыми лозунгами и даже целыми манифестами, к моему изумлению, адресованными русским. Басаев, оказывается, просил прощения за захват Буденновска и призывал к примирению!

Басаевская биография помогает понять, откуда после стольких лет советизации могли взяться на Кавказе неоисламистские боевики. Насколько известно, он родился в 1965 г. в горном селе Ведено – том самом, где столетием ранее располагалась ставка легендарного имама Шамиля, самого успешного и известного из вождей *газавата* позапрошлого века²⁰. Разумеется, имя Шамиль перекликалось с легендарным имамом, а Ведено было тем местом, где почти каждый камень увязывался с местной легендой, обычно восхвалявшей подвиг героя, принявшего там свой последний бой. Однако Басаев вырос в советские времена, когда Ведено стало большим совхозом, и его первой (и единственной) мирной работой была должность «техника-животновода». Мечтая, как и многие сельские парни, о куда большем, после службы в армии он уехал в Москву учиться сельхоз-специальности, очевидно, чтобы просто поступить куда-нибудь, где давали скидку выходцам из села. Учебу он вскоре бросил, то ли разочаровавшись в избранной скромной карьере, то ли оказавшись совсем плохо приспособленным к учебе. Басаев позднее с усмешкой рассказывал, что провалил его на экзамене по математике сам Константин Боровой, впоследствии известный предприниматель и либеральный активист, в советские времена подрабатывавший почасовиком в непрестижных вузах, поскольку его как еврея не пускали на работу в оборонной промышленности. Боровой, впрочем, такого чеченского студента припомнить не мог. Есть и третье объяснение. В последние годы перестройки немало студентов уходило в предпринимательство, которое тогда, как многим казалось, давало фантастические перспективы в сравнении с прозябанием на должности инженера или агронома. Если это и так, бизнесмена из Басаева тогда не вышло.

Люди, знавшие этого архитеррориста в молодости, говорили, что его отчисление из института стало для многих неожиданностью. Шамиль всегда отличался если не прилежанием, то честолюбием, упорством и способностью руководить сверстниками. «У Шамиля всегда все было четко», – говорили они. На вопрос, кем бы он мог стать, если бы советский строй сохранился и продолжал задавать жизненные возможности, мне отвечали, что Шамиль бы непременно стал начальником чего-нибудь, скажем, родного совхоза или заводского цеха – если только (смешок, переходящий во вздох), учитывая его порывистый характер и авантюризм, до того не сел бы в тюрьму за какое-нибудь хулиганство. Как тут не вспомнить, что некогда и Осам бен Ладен по специальности был инженером-дорожником, его первый заместитель по «Аль-Каиде» Айман аль-Завахири – врачом, а более половины террористов и сентября были студентами различных технических специальностей и вовсе не исламскими богословами²¹. Семейное происхождение и биографии многих современных исламистов напоминают скорее личные данные эсеровских боевиков из царской России.

²⁰ *Газават* есть более узкий синоним *джихаду* (дословн. преодоление). Термин «газават» получил распространение в период борьбы мусульман с крестоносцами и означает набеговую войну, ведущуюся правоверными рыцарями-*гази*.

²¹ Mark Sageman, *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

Возможно самым важным, что вынес из непродолжительной учебы в институте молодой Шамиль Басаев, было его знакомство с кубинскими студентами, подарившими ему портрет Эрнесто Че Гевары. Говорят, что Басаев всегда носил карточку Че в нагрудном кармане своей полевой формы²². Во время попытки переворота ГКЧП в августе 1991 г. Басаев был в рядах защитников московского Белого Дома и демократической России. По другой версии, он пришел защищать не демократию, а чеченца Хасбулатова, однако это, скорее, одно из типичных преувеличений этнической составляющей в поведении чеченцев. Басаев той поры был, судя по большинству добросовестных свидетельств, захвачен эмоциями перестроечной борьбы с тоталитаризмом, как и большинство советской молодежи – стоит ли тому удивляться? Кроме того, до августа 1991 г. векторы перестроечной демократии и чеченского национализма полностью совпадали.

Уже двумя месяцами спустя эти векторы разошлись. Так же резко сместился эмоциональный фокус и характер басаевской борьбы. Он угнал в Турцию пассажирский самолет, летевший из Москвы в Грозный, в знак протеста против «предательского» отказа «псевдодемократа» Ельцина признать независимость Чечни. Первый террористический эпизод в биографии Басаева разрешился мирным путем всего за несколько часов. Турецкие власти отпустили Басаева вместе с угнанным им самолетом в самостийную Чечню, где он мгновенно приобрел репутацию радикальнейшего националиста. От прочих радикальных националистов, каких тогда появилась уйма, Басаев отличался тем, что он-то оказался, к сожалению, радикалом действия, а не слова. Некоторое время он воевал на стороне азербайджанцев в Нагорном Карабахе, вместе с которыми в основном терпел поражения от армян, однако успел набраться военного опыта. Именно поэтому в августе того же 1992 г.

Шамиль Басаев возглавил чеченский добровольческий батальон в Абхазии.

Среди прочих добровольческих подразделений, воевавших против грузин в Абхазии, басаевский отряд прославился в первую очередь дисциплиной (у Басаева всегда царили порядок, отчетность и, в отличие от русских казаков, сухой закон), а также смелостью и воинской смекалкой. Перед атакой на грузинские позиции дерзкие, но довольно малочисленные чеченцы дико завывали волками и затем ошеломляюще стремительно бросались вперед, провоцируя панику. Однажды подобная психическая атака едва не стоила Басаеву жизни – грузинские пулеметчики не убежали и открыли огонь с заранее оборудованных позиций.

Наконец, уже в Абхазии Басаев заработал и, несомненно, сознательно культивировал «волчью» репутацию расчетливого и жестокого воителя, готового на самые радикальные меры, вплоть до террористических, чтобы добиться победы. На самом деле нет проверенных свидетельств, что бойцы чеченского отряда после взятия Гагры играли в футбол отрезанными грузинскими головами. Скорее всего, это типичная для такого рода войн мрачная страшилка. Однако факт, что сам Басаев ничуть не стеснялся подобных слухов и действительно предлагал абхазам для устрашения выставить вдоль линии фронта головы, отрезанные у трупов грузинских солдат. Впрочем, и это, скорее, могло быть проявлением чеченской бравады и черного юмора. Так Басаев подкалывал своих абхазских воинских побратимов, ожидая, что те сдрейфят и тем самым признают статусное превосходство чеченцев в «крутости».

Чеченцы, точнее – чеченские сельские парни джигитского возраста, наверное, в самом деле самые большие забияки и хвастуны на Кавказе (хотя конкуренция тут, конечно, велика). К этому их подталкивает острая статусная соревновательность, вообще свойственная кавказцам, но особенно горцам из народностей, которые в XVIII–XIX вв. изгнали своих феодальных князей и установили воинскую демократию²³. Не вдаваясь в социально-эволюционные дебаты, здесь лишь вкратце заметим, что аналогии между антикняжескими восстаниями горских пле-

²² Подробнее см. Georgi Derluguian, «Che Guevaras in Turbans», *New Left Review*, I/237 (September-October 1999)

²³ См. Агларов М. А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII–начале XIX века*. М.: Наука, 1988.

мен и изгнанием этрусских царей из древнего Рима носят далеко не случайный характер. Науке еще предстоит освоить этот удивительный историко-сравнительный материал. Есть серьезные основания полагать, что на Кавказе в то время возникли воинско-земледельческие сообщества с организацией, вполне сопоставимой с античной. Впрочем, это была воинская демократия скорее брутально спартанского, нежели рафинировано-афинского типа. Беда и слава чеченских джигитов в том, что, как и спартанцы двумя тысячелетиями ранее, они периодически загоняют себя в положение, когда оказываются вынуждены доказывать свое риторическое бахвальство дерзкими до полного безрассудства делами.

Согласно данным вашингтонских экспертов по контртерроризму, в 1994 г. Басаев провел несколько месяцев в Афганистане, где побывал в лагерях боевой подготовки «Аль-Каиды». Учитывая его способности и навыки войн в Карабахе и Абхазии, можно предположить, что обмен опытом оказался взаимно полезным. Летом 1995 г. диверсионное подразделение с Басаевым во главе взяло в заложники около двух тысяч человек в южнорусском городке Буденновск и, захватив местную больницу, потребовало прекратить боевые действия в Чечне. Басаев заявил, что поскольку у чеченской стороны нет самолетов и ракет, чтобы ответить на уничтожение российскими военными мирного населения Чечни, то он и его боевики решили стать «живыми ракетами» и перенести войну вглубь России...

Однако зимой 1997 г. полный надежд на президентство Шамиль Басаев обещал поехать в Буденновск, чтобы просить прощения.

Рынок символов

На краю площади Свободы, возле руин того, что, судя по закругленной форме больших оконных глазниц, ранее было универмагом сталинской послевоенной постройки, местные торговцы развернули импровизированный рынок. На собранных на скорую руку прилавках из кирпича и досок можно было увидеть полный спектр пользовавшихся спросом товаров и услуг. Предприимчивый владелец спутниковой тарелки обогащался за счет предоставления услуг международной телефонной связи (проводная связь, как, впрочем, и вся остальная городская инфраструктура, по большому счету, более не существовала). Пара-тройка столиков специализировалась на торговле патриотическими товарами: чеченскими флагами разных размеров, зелеными бархатными беретами бойцов сопротивления, календарями и плакатами с изображением средневековых крепостей и других исторических памятников Чечни, а также портретами национальных героев – шейха Мансура (легендарного вождя восстания в конце XVIII в.), имама Шамиля и первого президента Чечни Джохара Дудаева. Можно было также приобрести фото волка – нового национального символа, – как правило, с заносчивой надписью *«Подумай дважды, стоит ли связываться со мной»* и даже коврики ручной работы со стилизованным изображением волчицы и лозунгами типа *«Бог, Свобода, Ичкерия!»* Большинство чеченцев не замечало, что от образа волка пахло язычеством, и что на лозунгах слово «Бог» писалось не «Аллах», а традиционно по-чеченски «Дёла» – еще одно наследие от исторически недавних времен многобожества (сосуществовавшего в Чечне с исламом вплоть до XVIII в.)²⁴.

Бывший до войны директором Института истории Чечни Вахит Акаев подтвердил, что происхождение волчицы как национального символа Чечни остается загадкой. С перестройкой на читателя хлынул поток публикаций на тему национального прошлого – и вот тогда престарелый историк-любитель, провозглашенный «народным академиком», популяризовал волчицу как мифологическую покровительницу древних чеченцев. После смерти самостоятельного историка Вахит Акаев отправил нескольких аспирантов разобрать архив покойного, однако ни одного оригинального документа о волчице там найдено не было. Однако символ уже как-то прижился, вероятно, оттого, что был довольно удачно геральдически стилизован в круглой кокарде, завоевавшей сердца чеченцев, и затем появился на новом национальном флаге²⁵.

Участовавший в разработке флага Лёма Усманов утверждает, что изначальный эскиз предполагал чисто национальный и светский символизм: тонкая красная полоса означала пролитую во многих войнах кровь чеченского народа; более широкая белая полоса означала надежду чеченского народа; темно-зеленое поле знаменовало плодородность родной земли²⁶. Трудно поверить, что Усманов не осознавал возможности восприятия зеленого поля как символа ислама. И тем не менее Лёма в самом деле являет собой типичный пример советского интеллигента-перестроечника: честного бесребреника, страстно преданного идее и довольно наивного на фоне беспринципной и корыстной политики посткоммунистического периода.

Вскоре после чеченской революции в ноябре 1991 г. весьма тогда известный в Чечено-Ингушетии оппозиционер и борец с партократией Лёма Усманов был близок к победе на выборах мэра Грозного. Но, как бывает сразу после революций, с исчезновением прежней власти персонаж народного трибуна-обличителя уже начал стремительно устаревать. Новому президенту Дудаеву, судя по всему, показалось куда полезнее заручиться поддержкой лица более влиятельного и полезного. Так градоначальником стал Беслан Гантамиров – бывший милици-

²⁴ Рассмотрение чеченского язычества см. у Anna Zelkina, *In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian advance in the North Caucasus*, London, Hurst and Co, 2000.

²⁵ Личный разговор с Вахитом Акаевым, Москва, июнь 1999 г.

²⁶ Личный разговор с Лёмой Усмановым, Эванстон, октябрь 1999 г.

онер, в конце восьмидесятых ушедший в бизнес после отчисления из Московского юридического института, насколько известно, за обычную неуспеваемость. В 1990 г. Гантамиров вернулся в Чечено-Ингушетию богатым человеком и окружил себя группировкой вооруженных последователей из так называемой «Партии исламского пути». Они и стали штурмовым отрядом чеченской революции 1991 г., сделавшись после ее победы «муниципальной полицией» Грозного – как только их предводитель стал новым мэром столицы.

Спустя два года, в 1993 г., мэр Гантамиров в союзе с частью нового парламента Ичкерии вступил в вооруженный конфликт с президентом Дудаевым. По мнению местных жителей, причиной конфликта стали планы ренационализации успешно «прихвачиваемого» Гантамировым экспорта нефти – президент Дудаев отчаянно нуждался в средствах на строительство армии и государства. Это был типичный для едва ли не всех бывших республик СССР конфликт между новыми президентами и постсоветскими парламентами, которые теряли значение с выстраиванием президентских вертикалей власти, а также между правителями стран и претендующими на самостоятельность мэрами крупнейших городов. В дудаевской Чечне этот конфликт произошел раньше и более открыто, со стрельбой на главных улицах. Дудаев тогда победил, не в последнюю очередь благодаря вернувшемуся из Абхазии отряду Шамиля Басаева. Гантамирову пришлось бежать из Грозного в родное село, которое превратилось в эдакую сепаратистскую мини-вотчину внутри непризнанной дудаевской Ичкерии. В 1994 г. при весьма небрежно скрываемой поддержке российских спецслужб Гантамиров повел собственную армию «контрас» на Грозный, чтобы свергнуть Дудаева. Неудача похода была столь же жестокой, как и неожиданной. Именно тогда, действуя в растерянности и досаде, московские покровители Гантамирова из кремлевской администрации убедили президента Ельцина наказать своевольного мятежного генерала Дудаева вторжением силами регулярной армии.

Гантамировское вооруженное формирование стало одной из первых групп, придавших значение исламского символизма зеленому полю чеченского флага. Учитывая присущий Гантамирову цинизм наемника, его обращение к религии выглядело не более чем идеологической маской, однако его кураторы в Москве (вероятно, с учетом приобретенного в Афганистане опыта спецопераций) одобрили подобный шаг. Гантамировцы стали воевать под новым чеченским флагом, но без ичкерийской геральдической волчицы. Вместо языческого зверя-праматери стали рисовать исламский полумесяц на зеленом поле.

В данном случае наглядно видно, как религия в Чечне политизировалась с нескольких направлений, притом не только с Ближнего Востока. Раз возникнув, динамика политизации религии стала самовоспроизводящейся, поскольку данная стратегия оказалась эффективнее чисто светского национализма и прочих идеологических практик. Как созданные в 1980-х при поддержке ЦРУ в Афганистане и странах Ближнего Востока новые движения фундаменталистов и сети их тайных ячеек давно вышли из-под контроля спецслужб и приобрели динамику самостоятельного политического развития, точно так же и разрозненная, запутанная и жесткая политическая борьба в Чечне в девяностые годы дала непредвиденно мощный импульс подъему религиозных настроений в обществе. Выражаясь языком социологии, религиозное возрожденчество добавило новый слой каузальности (причинности) к постсоветским процессам реорганизации общества. Однако религия не становится социальной силой сама по себе. Было бы словесным фетишизмом утверждать, будто она является самодвижимым явлением. Скорее, ислам стал средством политической и моральной легитимности, каналом доступа к ресурсам ближневосточных политических кругов, а также источником пропаганды, позволившей постепенно вытеснить дискредитировавший себя национализм. Религия в Чечне стала не «фактором», а целым полем острой конкуренции, переходящей в настоящие сражения по мере того, как различные вожди и их вооруженные формирования стали заявлять о приверженности именно их «истинному» исламу.

Видеоразвал

После прилавка с патриотикой мы перешли к изучению видеокассет на соседнем столике. Выбор дешевых пиратских копий (приблизительно по доллару за штуку) скверного качества являл собой обычный ходовой набор низшего сегмента постсоветского видеорынка. Иными словами, это были доступные по форме развлекательные фильмы основных киножанров: мексиканские сериалы, примитивные американские мультики, индийские мелодрамы, несколько ностальгических картин советской эры, гонконгские фильмы с мастерами боевых искусств и голливудские боевики со Шварценеггером, Сталлоне и Ван Даммом (неудивительно, что многие чеченские боевики походили скорее на Рэмбо, нежели на своих легендарных предков). Возглавлял в то время список хитов видеорынка фильм «Отважное сердце». Работавшая в то время в Гарварде шотландка по происхождению Фиона Хилл рассказывала, что все тот же Басаев по его собственному признанию будто бы 14 раз смотрел этот боевик и вообще обожал шотландцев как горцев и братьев чеченцев по вековой борьбе против имперского – русского и английского – господства²⁷. Как выясняется, Басаев мечтал умереть с призывом «Свобода!» на устах, подобно сыгранному Мелом Гибсоном герою кинофильма²⁸. В самом деле, в арабской киноиндустрии пока не овладели гибсоновским рецептом коктейля из исторической развлекательной мелодрамы, компьютеризованного гиперреализма и сверхкровоавого энергичного действия. Там, впрочем, возникли свои варианты сверхкровоавого действия, снятого непрофессионально и безыскусно, зато пафосно и невыносимо назидательно.

Потребовалось какое-то время, чтобы отыскать видеофильмы собственного чеченского производства. Мальчик, посланный на их поиски к другому торговцу, прибежал, наконец, с восемью кассетами. Вывезти их из Чечни оказалось довольно опасным и неприятным приключением, поэтому отдельное спасибо бойцам Воронежского ОМОНа, отпустившим нас с умеренными финансовыми потерями и даже в конце концов поверившим нашим с Игорем Кузнецовым заверениям об историко-архивной ценности подобного рода материалов. Позднее просмотр показал, что видеопленки в основном содержали любительскую съемку различных чеченских митингов, заявления различных полевых командиров, которые были записаны в условиях военного подполья или в горных лагерях, неотредактированный материал съемок боев с российскими войсками, а также записанные со спутниковых тарелок новостные выпуски из Чечни (в основном ITN, BBC, CNN и российского НТВ). Во время войны чеченцы жадно ловили новости о событиях в собственной стране из иностранных (зачастую единственно доступных) источников и остро переживали, чтобы их борьба и страдания были увидены миром.

Одна из кассет содержала исламистскую пропаганду джихада. Первый длинный отрывок представлял съемку засады на российскую бронетанковую колонну. Подразделением в засаде руководил *амир* (воевода, командир) Хаттаб – исламистский интернационалист из Саудовской

²⁷ Личный разговор с Фионой Хилл, Эванстон, декабрь 1999 г.

²⁸ В соседней Ингушетии рассказанную Фионой Хилл историю прокомментировали следующим образом: «Да, похоже на наших братьев-чеченцев. Но сами мы, ингуши, предпочитаем идеи другого шотландца – Адама Смита». Ингушский упор на рыночный прагматизм вопреки чеченской бравате шел с самого верха возглавляемого генералом Русланом Аушевым режима просвещенного военного деспотизма. Действия этого профессионального солдата, геройски прошедшего через войну в Афганистане, теперь были направлены на сохранение мира в крошечной, бедной ресурсами Ингушетии, потерпевшей болезненное поражение в недавней войне с соседней Северной Осетией и подозреваемой Москвой в пособничестве чеченским сепаратистам. По не менее прагматическим причинам политическое маневрирование генерала Аушева не могло соответствовать рецептам Адама Смита. Относительная стабильность в Ингушетии финансировалась крайне непрозрачными налоговыми льготами, которые Москва в тот период предоставляла как плату за лояльность Ингушетии, так и попросту ввиду недостатка средств в центральном бюджете.

Аравии, который ранее воевал в Афганистане²⁹. Комментарий на арабском за кадром вел сам Хаттаб. В переводе одной из моих студенток американо-арабского происхождения комментария Хаттаба были столь же безыскусны, как и видеоряд. Этот примитивизм, однако, создавал по-своему достоверное и страшноватое зрелище. Камера дрожала в руках у оператора, съемка была невыносимо затянута (минут двадцать где-то вдали по горной дороге все ехали и ехали, грохоча, крохотные танки и бронетранспортеры), за кадром раздавались тяжелое дыхание, хруст веток, выстрелы, крики и затем протяжным, эмоционально-напряженным речитативом, как будто распевая Коран, арабская речь: *«Посмотрите, сколько уничтожено танков! Аллах даровал нам победу. Сколько врагов повержено! Аллах велик!»*

Особенно любопытно, что заснятыми оказались эпизоды общения Хаттаба с чеченцами. Арабский командир говорил с ними не на арабском и не на чеченском, а на простом русском языке. Собственно, на каком еще общем языке могли они изъясняться? Русский поневоле остается языком межнационального общения даже среди антироссийских повстанцев, особенно когда речь заходит о танках, пулеметах, вертолетах и прочей современной технике. Хаттаб вероятно знал русский со времен, когда участвовал в гражданской войне в Таджикистане в 1992–1993 гг.

Вторая часть той же хаттабовской кассеты являла собой уже более профессионально смонтированный сборник кадров, снятых во время различных боев: чеченский пулеметчик ведет огонь по вертолету в небе; цепочка боевиков на горной тропе; сожженные танки и горящие дома. Видеоряд сопровождался бравурно-помпезными и одновременно слащавыми маршами явно ближневосточного происхождения, что однозначно не совпадало с чеченскими более «лезгиночными» вкусами. Вкупе с комментариями Хаттаба на арабском кассета оставляла впечатление нацеленного на зарубежного зрителя материала. Вероятнее всего, где-то она служила исламистской пропагандой всемирного джихада.

Я собрался было расплатиться с чисто выбритым продавцом-мужчиной лет сорока – бритые в те дни становилось признаком не только современной городской культуры, но и определенной оппозиции по отношению к поднимающейся волне исламизации. Этот продавец вдруг попытался удержать одну из кассет и сунуть ее под стол. Несмотря на его протесты и заверения, что эта кассета вовсе не его и что он никогда не стал бы держать подобное в своем доме, именно поэтому я настоял на своем праве купить и ее. Кадры были в самом деле ужасающими: суд и расстрел обвиненного в сотрудничестве с российскими властями учителя-чеченца, а также перерезание кинжалом глоток пленных русских солдат. Когда в годы недавней войны эта пленка начала ходить по Чечне, многие городские чеченцы были потрясены и возмущены подобной дикостью, тогда как российская военная пропаганда указывала на эти кадры в качестве доказательства звериной сущности противника.

В самые первые дни войны, по многим свидетельствам, чеченские командиры обращались с пленными федералами почти как с гостями – скорее всего потому, что пока не возникло иной модели поведения по отношению к той самой армии, в которой недавно служили многие чеченцы (включая бывшего сержанта Басаева, майора ГАИ Арсанова, полковника-артиллера Масхадова и генерал-майора ВВС Дудаева). Есть и вполне правдоподобные рассказы о рыцарском отношении российских офицеров к раненым боевикам, но также только в самом начале войны. Как показывает британский социолог Майкл Манн, обобщивший в мрачном, но тем более полезном труде массив эмпирических данных о геноцидах и военных преступлениях XX в., во всех случаях злодеяния начинали происходить лишь по мере раскручивания процесса эскалации насилия, состоящего из обмена все большими жестокостями (нередко пре-

²⁹ Смерть Хаттаба относится к весне 2002 г. Умер он, возможно, от старых ран, хотя в российских газетах того времени распространялись слухи, что он был отравлен письмом, переданным российским двойным агентом или же иорданской разведкой, столь средневековым методом избавлявшейся от своих врагов.

увеличенными молвой). Люди не становятся убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, местью за своих и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы. В данном случае считалось, что горло перерезали не желторотым призывникам, и без того настрадавшимся от военной «дедовщины», а матерым солдатам-контрактникам, которые «приехали убивать за деньги». Как бы то ни было, в отличие от горожан (многие из которых едва ли могли знать, как перерезать горло барану или корове), куда более близкие навыкам стародавнего быта малообразованные сельские жители Чечни, особенно безработная молодежь, которая после 1991 г. едва ли вообще ходила в школу и которая при этом вынесла на себе основную тяжесть боев, расценили эти кадры как вполне оправданные и необходимые акты возмездия. С исчезновением государственного закона в Чечне возрождалась вера в крайнее средство кровной мести.

Выборы

Однако сразу после вывода федеральных войск в Чечне января 1997 г. в отношении России преобладали примиренческие настроения, выражаемые как посредством местных газет, так и предвыборных пропагандистских листовок. Наиболее примиренческий характер, как уже упоминалось, носили агитлистки Шамиля Басаева, ввиду очевидной перспективы обретения государственной власти старавшегося избавиться от репутации террориста. Двумя месяцами позже новоизбранный президент Аслан Масхадов, безуспешно пытавшийся избежать раскола и в первую очередь успокоить набравшего на выборах более четверти голосов Басаева, назначит его главой кабинета министров. Однако малообразованный и импульсивный Басаев окажется непригоден к роли государственного деятеля, тем более управленца в условиях разрушенной Чечни, по-прежнему окруженной Россией. После серии провалов Басаев в крайне разгневанном состоянии подал в отставку и примкнул к радикальной оппозиции. До этого момента крайние националисты и сторонники исламистского возрождения находились лишь на окраине политической жизни Чечни. На президентских выборах 1997 г. их кандидаты, включая Яндарбиева, едва набрали 10 % всех голосов, что достоверно отражало взгляды тогдашнего чеченского общества. В отличие от выборов в большинстве постсоветских стран (обыденно сопровождающихся апатией, манипуляциями и подтасовками), выборы в Чечне были грамотно организованы, а избиратели голосовали с энтузиазмом.

Героем дня был бегло говоривший по-русски дипломат из Швейцарии Тим Гульдманн, в качестве посредника ОБСЕ проведший

большую часть войны в самой Чечне³⁰. Он принадлежал к новому поколению государственных служащих Швейцарии, вдохновленному европейской идеологией международной юридической защиты прав человека. Неожиданно для оказавшегося в самой гуще яростной войны дипломата из нейтральной страны Гульдманн оказался на изумление дотошным и активным переговорщиком. После окончания войны именно он смог организовать в Европе сбор средств и оборудования для проведения выборов в Чечне, а также прибытие групп наблюдателей, необходимых для обеспечения легитимности нового президента и парламента. Своей активностью Гульдманн нажил немало врагов со всех сторон и трижды объявлялся *persona non grata* по трем различным причинам. Во-первых, в годы войны созданное Москвой чеченское правительство бывшего первого секретаря Доку Завгаева было оскорблено своим непризнанием в качестве самостоятельной и полномочной стороны; во-вторых, Гульдманн рассорился с российским парламентом, вернее, с его великодержавным большинством; наконец, когда в предчувствии своего неминуемого поражения на выборах временный президент Зелимхан Яндарбиев в отчаянии обратился к радикально исламистскому аргументу о том, что без наблюдения Запада выборы в Чечне прошли бы не в пример лучше. Однако большинство чеченцев весьма ценили роль Гульдманна и были благодарны за его усилия – не потому, что он помог им выбрать конкретного лидера (59 % проголосовало за отставного командира и умеренного политика Аслана Масхадова, и этот процент был бы больше, если бы беженцы за пределами Чечни имели бы возможность принять участие в выборах), а в основном потому, что активное присутствие дипломата из Швейцарии было воспринято как подтверждение вовлеченности Европы в построение будущего Чечни. Гульдманн служил символическим заслоном иному, более исламскому варианту будущего.

³⁰ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является институционализированным результатом Хельсинкских соглашений 1975 г., подписанных главами всех тогда существовавших стран Европы и Северной Америки на пике разрядки в годы «холодной войны». В ходе этнических войн 1990-х ОБСЕ стала каналом для совместных дипломатических усилий западноевропейских государств.

Гендер и ислам

В центре новостей из Чечни находились сплошь мужчины самого мужественного вида и боевого возраста – короче, всевозможные бородачи с автоматами. На самом деле там было куда больше заурядных пожилых мужчин уставшего и не очень здорового вида, множество неожиданно веселой детворы и более всего женщин, молодых, зрелых и немолодых, подчас с удивительно благородными и добрыми лицами, несмотря на бедственный быт и ужасы военного времени. В какой-то момент глаз привыкал к рэмбообразным лихим парням, пронесившимся на внедорожниках, и к многочисленным охранникам перед входами во всевозможные штабы и офисы, с лентой поигрывающим оружием. И тогда становилось видно, что земля чеченская буквально держится на женщинах, что они-то в этих нечеловеческих условиях и составляют структуры жизнеобеспечения.

Там начинался какой-то другой чеченский мир, о котором мне, как мужчине, судить труднее. Но кое-что все же прорывалось на поверхность. Собственные, для внутреннего потребления чеченские газеты и телепередачи зимы 1997 г. отводили непонятно много комментариев тому, что довольно выпендрено и иносказательно именовалось «проблемами возрождения древних национальных традиций». Потребовалось вчитаться повнимательнее, чтобы понять, о чем идет речь. Оказалось, о полигамии и умыкании девушек с целью заключения брака. Из разногласия не всегда внятных мнений постепенно становилось ясно, что это было вовсе не радостным возвратом к исконно горским обычаям, запрещенным коммунистами, а проявлением острейшей нестабильности общества.

Сторонники многоженства, среди которых оказалось на удивление много явно неплохо образованных женщин среднего возраста, утверждали, что в обществе, лишившемся прежних механизмов социальной защиты, особенно при столь высоком проценте незамужних девушек и вдов, освященный религиозным законом полигамный брак предоставлял женщине более стабильный и почетный способ выживания, нежели распространившееся в годы войны негласное сожительство. Неизменно приводился дополнительный аргумент патристического характера – женщины должны рожать больше детей, чтобы народ восполнил демографические потери после разрушительной войны. В самом деле, есть немало данных о том, что, несмотря на разруху, в Чечне наблюдается мощный рост рождаемости – по крайней мере, в сельских районах. Аргумент сводился к тому, что после такого количества потерь среди чеченских мужчин наилучшим способом обеспечить законнорожденность детей было бы многоженство.

Вполне предсказуемо, что духовенство поддержало подобную точку зрения. Более того, поколением ранее уже имел место убедительный прецедент. В годы сталинской коллективизации и особенно после депортации 1944 г. чеченцев и ингушей в Среднюю Азию традиционные исламские нормы поведения были пересмотрены с учетом большого числа вдов. В те крайне трудные годы возникали новые подпольные мечети, прихожанами которых были исключительно женщины (этот исторический эпизод остается крайне мало изучен). Еще больше женщин ушло тогда в тайные суфийские кружки, которые давали им духовную и социальную поддержку за пределами их вынужденно неполных семей.

В то же время противники полигамии, среди которых также было много образованных и красноречивых женщин среднего возраста, громко возражали против подобного «возврата к варварству». По их словам, многоженство никогда не было чеченской традицией, а скорее относилось к «персидским шахам и турецким султанам». В прошлом полигамия хоть и имела место, однако была крайне редким явлением в основном ввиду экономических факторов. Крестьяне Северного Кавказа всегда были бедны и скромны в быту. Даже среди князей немногие могли построить себе дворцы. Но главное, гаремы в горском обществе были лишены своего основного социально-статусного значения. Если уж на то пошло, наиболее ценным предметом

и показателем социального статуса горца были его конь и оружие, а не обширный гарем жен и наложниц.

Относительно брака способом умыкания выступавшая по ингушскому телевидению учительница сформулировала убедительное (оттого еще более печальное) заключение по данной социальной проблеме. Хотя умыкания случались и в прежние времена, как правило, они совершались с негласного согласия невесты и иногда даже родителей. Подобное джигитство на самом деле прикрывало стыд от бедности и предназначалось для избежания непосильных расходов на выкуп и свадебные торжества. Девушка могла таким образом соединиться с понравившимся ей парнем, даже если тот еще не заработал где-то на шабашке в Казахстане достаточно денег на обзаведение домом и хозяйством. После налаживания семейного быта и рождения первенца происходило торжественно-церемониальное примирение с родителями и братьями молодой жены.

Но новая волна похищений конца 1990-х гг. была прямым беззаконием и насилием. Девушек захватывали грубо и нагло, на улице по дороге из магазина или школы, даже порой под угрозой оружия, практически как заложников ради выкупа или обмена. Девушек везли куда-то в тайное место и тут же насиловали, после чего они как «подпорченный товар» автоматически должны были стать собственностью того, кого вовсе не избирали. Корень проблемы, по мнению учительницы, заключался в растущем культурном и поведенческом разрыве между полами и поколениями. Многие девочки прилежно и хорошо учились в школе, приобретали городские манеры, желали бы продолжить образование и затем найти современную работу. Их едва ли привлекала традиционная патриархальная перспектива сделаться годам к восемнадцати многодетной матерью и молчаливой младшей домохозяйкой в подчинении у властной свекрови (которой, конечно, некогда пришлось самой пройти через все это).

Тем временем ни общественная среда, ни сверстники большинства горских парней не способствовали столь же прилежной учебе. Корпеть над учебниками и радовать педагогов, виделось им, как-то не по-джигитски. В итоге, молодые парни не знали ни рамок и ритуалов традиционного ухаживания, ни норм современного городского поведения (как, например, пригласить девушку потанцевать или подарить ей цветы), ни элементарной законности. Ингушская учительница завершила свое печальное выступление риторическим вопросом: *«Что же нам теперь делать с целым поколением необразованных хамов?»*

Объяснение ингушской учительницы совершенно согласуется с выводами из обширного опыта социологов, изучавших различные этнические гетто в США. Установка на образование и прививаемую им современную самодисциплину возникает среди мальчишек и удерживается только там, где вырисовывается жизненная перспектива стать кем-то значимым в результате приобретения подобного рода навыков и соответствующих видов символического капитала – врачом, адвокатом, инженером-конструктором, предпринимателем. Там, где такая перспектива едва ли видится, поскольку в окружении отсутствуют ролевые примеры взрослых мужчин, добившихся профессионального успеха, начинают действовать противоположные установки на молодецкую развязность, показное рискованное поведение и прочие статусные признаки подростковой «крутизны» – что известный афроамериканский социолог Элайджа Андерсон назвал «кодексом улицы»³¹. В лучшем случае это приводит к карьерам, основанным на таланте и успехе в физических, более дворовых видах спорта, как футбол и баскетбол.

Будучи представителем советской, прогрессивно-светской системы образования, ингушская учительница не пошла далее в своих рассуждениях. Тем солиднее показался следующий гость программы, моложавый, но уже степенно держащийся бородатый мужчина, представленный как преподаватель недавно основанного Исламского университета. Он отметил, что нормы шариатского права могут помочь в разрешении данной проблемы. Он обвинил во всем именно

³¹ Elija Anderson, *Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City*. New York: Norton, 1999.

советское безбожие, которое и произвело молодых варваров. В шариатском праве, как рассуждал преподаватель ислама, четко прописаны и обязанности мужчины, и права женщины, не говоря уже об освященной религией высокой духовности семейных отношений. Его выступление отличалось спокойствием и уверенностью, знанием подробностей традиций исламского права. На фоне горечи и растерянности учительницы слова исламиста звучали, надо признать, гораздо более убедительно и обнадеживающе.

Как уже упоминалось, за исключением нескольких более технических видов труда, в которых господствовали мужчины (помимо владения оружием это эксплуатация нелегальных нефтяных скважин и аппаратов спутниковой связи, продажа видеокассет, автомобильный извоз и ремонт плюс забой скота), женщины преобладали во всех уцелевших после войны сферах экономической деятельности в Чечне. Это в основном было связано с сельским и надомным трудом и, конечно, уличной торговлей. Большинство торговцев в Грозном составляли женщины в теплых шерстяных платках, каких-то зипунах и резиновых калошах или сапогах, продававшие жвачку, аспирин, авторучки, жареные семечки, сигареты, домашние пирожки, импортные бананы и прохладительные напитки.

Алкоголя нигде не было видно, хотя у некоторых пиво и водка были припрятаны под прилавком. Повсюду висели сделанные второпях большие надписи, как ни странно, на русском языке, очевидно, все еще ассоциировавшемся с официальной сферой указов: *«Не гневи Аллаха, брось пить!»* Запрет на алкоголь был проявлением исламского возрождения и следствием вызванной к жизни войной необходимости внутреннего сплочения и жесткой дисциплины. Сухой закон считался также актом культурного сопротивления – в противоположность поведению нередко подвыпивших русских солдат. Однако процесс религиозной морализации шел далеко не бесспорно.

Накануне поездки в Грозный на одной из советского вида центральных улочек Назрани мы зашли пообедать в маленькое безупречно чистое, просто неправдоподобно вылизанное кафе, украшенное заботливо накрахмаленными занавесками, гирляндами неестественно ярких пластмассовых цветов и здоровенным никелированным электросамоваром на буфетной стойке. Средних лет оживленно щебечущая хозяйка кафе («Ой, мальчики, зовите меня тетей Асей, а то моего ингушского имени вам все равно не выговорить») была одета столь же опрятно, но и с такими же неестественно ярко-окрашенными волосами, выбивавшимися из-под белой кружевной накладки на голове. Пока мы заказывали манты и чай, в кафе вошел сердитый длиннородый старик в овчинном тулупе и папахе. Размахивая палкой, он гневным тоном обратился к владелице кафе на ингушском. Но та ответила еще более эмоциональной тирадой, сопровождаемой жестами в нашем направлении. После ухода явно непрошенного посетителя возбужденная недавней перепалкой тетя Ася объяснила нам причину конфликта: *«Да это мулла приходил, требовал закрыть кафе на время. Рамазана. Пост сейчас у мусульман. А я ему говорю, у меня, вон, клиенты не только мусульмане. Куда я кафе закрою? Я же вдова, понимаете! Мне надо кормить двоих детей и брата-инвалида».*

О неочевидности горских кланов

Найти водителя с машиной оказалось делом весьма сложным, поскольку высадившийся в те дни десант международных наблюдателей и корреспондентов ведущих мировых агентств успел произвести на жителей Назрани и Грозного глубокое впечатление. Все эти важные иностранцы очень спешили и имели неосторожное обыкновение расплачиваться стодолларовыми купюрами из объемистых пачек. Местные стали быстро приспосабливаться к внезапно возникшим новым рыночным возможностям, используя их самым разным образом. Наиболее образованные предлагали услуги переводчика, советника или журналиста-стрингера; владельцы хороших автомашин стали шоферами (с оплатой, превосходившей расценки лимузинных служб на Манхэттене); цены на аренду сколь-нибудь целого жилья с удобствами взлетели до умопомрачительных высот. Вскоре, однако, выяснилось, что козырной картой на этом рынке оказался автомат Калашникова, и целые отряды телохранителей приступили к охране зарубежных журналистов и их клади, действуя наперегонки со стремительно плодившимися захватчиками заложников и простыми грабителями. Не имея и близко бюджета CNN, оставалось предпочесть метод мимикрии: в поле носить достаточно неприметную одежду и в основном разъезжать, как и большинство местных, на маршрутках. И тем не менее легковые машины были не в пример удобнее, а их водители могли нам помочь как переводчики.

Наш водитель был за умеренную плату нанят в соседней Ингушетии. До 1991 г. это была составная часть Чечено-Ингушской АССР, а два коренных языка родственны в достаточной степени, позволяющей называемымся *вайнахами* (дословно – *нашими*) народам понимать друг друга. Поездка в Грозный была организована нашим новообретенным ингушским другом и коллегой, который как раз к моменту распада СССР успел получить диплом историка в Чечено-Ингушском университете (впрочем, как он искренне признался, учился он в надежде сделать партийную карьеру). С началом войны этот молодежавый столичного вида мужчина был вынужден переехать к сельским родственникам в дом, где уже жило двадцать человек, половина из которых были беженцами из зоны другого, осетино-ингушского конфликта. Этот образованный, ироничный и довольно амбициозный горожанин сильно тяготился однообразным, распи-санным требованиями традиций бытом ингушского села. Для моих социологических исследований он стал ценнейшим источником информации, способным одинаково глубоко, хотя и эмоционально неоднозначно понимать обе стороны социального раздела между современным городом и кавказским селом. Наш приятель принадлежал к категории особо ценных информантов, что он быстро уразумел и воспринимал с неподдельно веселым энтузиазмом. Проезжие журналисты, с которыми ему доводилось общаться по работе, интересовались только политическими раскладами и не слишком располагали поговорить по душам о жизни в глуши и грязи, где командовали и захватывали себе все блага неотесанные парни с автоматами и где приходилось прятаться от стариков, чтобы выкурить сигаретку посреди постного месяца Рамазана.

Рано утром мы вместе отправились на стоянку такси близ местного рынка. После ряда переговоров с водителями наш ингушский друг представил нам скромного пожилого мужчину, к которому он обращался по-свойски «дядя Мухарбек» и прошептал нам по-русски: *«Вообще-то я с ним в жизни не встречался, но мы тут немного поговорили и выяснили, что мы одноплеменники. Так что в случае чего... Боже упаси, конечно... ну, вы сами понимаете... он вроде бы несет за вас ответственность, как за гостей нашего рода. В такие дурные времена, как сейчас, если честно, родственные традиции уже не та гарантия, что считается, но это все же лучше, чем ничего»*.

Традиционные патрилинейные кланы, в Чечне и Ингушетии обозначаемые арабским словом «тейп» («*таифа*» – «род», «группа»), в годы недавних потрясений и войн стали предметом многочисленных спекуляций. Романтически настроенные националисты вновь обрати-

лись к идее основанного на традиционном родовом правлении «третьего пути» перехода к современной демократии. Мыслящие ориенталистскими категориями сотрудники российских спецслужб и некоторые претендующие на посвященность журналисты выстраивали подробные схемы сфер влияния кланов. Предполагалось, что это может выявить скрытые пружины политических процессов на Северном Кавказе. В свою очередь, я предложу основанное на двух социологических концепциях практическое толкование того, как работают тейпы³². Во-первых, они являются хранилищем коллективных репутаций, используемых в рамках своей этнической общины в качестве *социального капитала*. Во-вторых, тейпы служат *сетями доверия*, которые регулярно оказываются востребованными и задействованными во взаимодействиях вне рамок семейной взаимности.

Однако сети доверия могут оказаться разрушенными в силу многих причин, особенно в трудные времена. Кроме того, социальный капитал трудно измерить, поскольку он не переводится в денежное исчисление. Жители Северного Кавказа обычно ведут долгие беседы о делах своих дальних родственников, отпускают колкие шутки в адрес достоинств того или иного рода или же (по мнению иностранцев) пускаются в безудержную похвалу. В действительности эти ритуалы являются средством установить относительную ценность социального капитала, связываемого с именем того или иного рода. Выпускники Гарвардского, Йельского или Нортвестернского университета привычно пускаются в аналогичные микросоциальные ритуалы, причем делают это почти ровно в тех же целях. Сети алуэниев-выпускников элитных колледжей, так же как и социальные сети горских родов, предоставляют более или менее реальную надежду и пути-цепочки достижения практических целей: поиска работы, партнера по бизнесу или соответствующей социальному статусу невесты. Подобным же образом родовые сети позволяют оценить доселе ничем не проявившего себя молодого человека, оценить его как потенциального зятя либо завербовать его в бригаду отходников, отправляющихся на шашку, или же в отряд боевиков.

Там, где нет эффективной полиции, чтобы заставить выполнять условия соглашений и отсутствует накопленный бюрократическим механизмом архив личных дел и аттестатов, позволяющий оценить достоинства обращающегося, репутация рода остается мерилом решения и позволяет построить доверие. В большинстве случаев коллективная репутация действительно срабатывает, поскольку в плотной социальной среде местных контактов люди стараются не навредить чести своего рода каким-либо проступком, за который им придется отвечать в первую очередь перед собственными родственниками. Однако функция репутации далека от совершенства, поскольку существуют соперничающие формы социального капитала и различные типы сетей доверия, где клановое родство может отступать на второй план, особенно когда этого требует организационная логика более формальной среды. В советские времена это была бюрократия, где своих нередко наивных одноклассников начинали чураться, чтобы сделать карьеру, а в более недавние времена таковыми стали исламистские братства и отряды боевиков. Немаловажным отличием родов от племен является отсутствие у первых формального руководства или вождя – они представляют собой расширенные семьи, которые можно непосредственно наблюдать разве что на самых важных свадьбах и похоронах.

Выданная нам родом гарантия безопасности стала представляться еще более призрачной, когда мы узнали, что у дяди Мухарбека его предыдущую почти новую машину отобрали чеченские боевики. (Из-за громких похищений российских журналистов и военных оставался в тени тот факт, что абсолютное большинство и заложников, и жертв ограблений в межвоенной Чечне были местного происхождения – попросту потому, что за ними не надо было далеко

³² Тимоти Эрл был крайне добр, оказав мне помощь в уяснении социальных механизмов и функций родов. См. Timothy Earle, *How Chiefs Come to Power: The political Economy in Prehistory*, Stanford: Stanford University Press, 1997. В моей работе я совместил социологическое видение Эрла с идеей Бурдые о социальном капитале и некоторыми концепциями обществоведения о доверии, например, Diego Gambetta (ed), *Trust: Making and Breaking Cooperation Relations*, Oxford: Blackwell, 1988.

ходить, что типично для обыденной преступности во всем мире.) Дядю Мухарбека остановили по дороге на рынок в Дагестан: *«Вот так запросто, остановили на шоссе какие-то ребята с автоматами и по-нашему же мне сказали, что моя машина реквизирована: на, нужды национальной борьбы, ха-ха! И что? Да ничего, пришлось возвращаться домой на попутках. Могли, бы и убить, но я. никого из этих абреков не узнал, так что кровной, мести, они, не боялись».*

Дядя Мухарбек приобрел ту машину на сбережения лучших советских 70-80-х годов, когда работал на нефтяных месторождениях в Сибири. Еще раньше, в казахстанской ссылке сталинских времен, он научился бегло говорить по-русски и водить машину, а женой его стала украинка из раскулаченной семьи, сосланной в Среднюю Азию еще в тридцатых. Она научилась говорить на ингушском, однако на мой вопрос, перешла ли она в ислам, Мухарбек обыденно ответил: *«Кому это важно в деревне, где все знают друг друга? Когда нужна помощь, моя жена всегда, рядом с другими, женищинами, например, на свадьбах и, похоронах, но она не читает молитвы. Это молодежь сейчас ударилась в религиозность. В советские времена, мусульманин – немусульманин, это было не очень важно».*

Пропагандист

Над ведущим к площади Свободы широким проспектом висел «фирменно» выполненный и, наверное, очень дорогой билборд с лаконичным призывом на русском: «*Исламский порядок: Мовлади Удугов*». Прежде малоизвестный местный журналист и министр информации при сепаратистском режиме Дудаева в ходе недавней войны стал гроссмейстером чеченской пропаганды «на зарубеж». Его эффективность была угрюмо признана даже влиятельным российским генералом, заявившим, что один Удугов стоит танкового полка. Призыв к исламскому порядку был хорошим примером его эффективности как пропагандиста: эти навевающие воспоминания два слова увязывали чеченскую мечту о более защищенной, нормальной послевоенной жизни с коллективной самоидентификацией, ярко проявившейся в ходе сопротивления неверным «федералам». Удугов утверждал, что лишь исламское правление могло принести порядок в Чечню, народ которой слишком анархичен, чтобы подчиняться кому-либо, кроме Бога. Это было самым продуманным и ярким выражением исламистского проекта в межвоенной Чечне. Тем не менее нескольким иностранцам удалось заметить удивительно большое число чеченцев, с нескрываемым пренебрежением относившихся к Удугову³³. В образованных кругах его называли неофашистом или «нашим Геббельсиком», а среди простого народа можно было часто услышать, что Удугов просто «нехороший человек».

Объяснение отчасти может быть найдено в социальной травме его юности. Столь важное в глубоко патриархальной Чечне семейное происхождение Удугова окутано некоей неловкой тайной, намекающей на незаконнорожденность. Юный Удугов, судя по рассказам знавших его в ту пору людей, остро страдал от того, что был лишен доли социального капитала своей семьи и в жизни мог полагаться лишь на самого себя. Однако в отличие от сентиментальных романов, в реальной жизни сиротская доля не обязательно означает вынужденную скромность, сострадателность или становление сильного характера через лишения и страдания. Бывшие однокурсники Удугова вспоминали, что он слыл гордым и замкнутым одиночкой, никогда не пил и не встречался с девушками. Юный Мовлади был страстным спорщиком и мог ночи напролет вести дискуссии на разнообразные интеллектуальные темы – от философии до современных фильмов и диссидентства. На его книжной полке почетное место занимали биографии Цезаря, Наполеона и Черчилля. С приходом горбачевской перестройки Удугов стал писать на русском статьи для «неформальной» прессы на стандартные радикальные темы того времени: борьба с бюрократизмом, демократизация, идеалы подлинного социализма, экология, сохранение национальной культуры.

Позднее, в девяностых, когда Удугов стал щедро спонсируемым исламистским идеологом и ведущим провокационно знаменитого сайта www.kavkaz.org, он все еще продолжал писать на тяжеловесном провинциальном русском языке, носившем узнаваемый отпечаток советского пропагандизма и тяготевшем к помпезности. Многослойность различных влияний на этого, несомненно, талантливого самоучку выражалась в зачастую едва не пародийном смешении в одном абзаце цитат из Грамши (кумира неомарксистов семидесятых-восьмидесятых) о гегемонии, позднеперестроечного кумира Фон Хайека о свободе, затем из ознаменовавших начало девяностых «столкновения цивилизаций» Хантингтона, и все эти интеллектуальные вехи конца XX столетия венчала более или менее приличествующая цитата из Корана.

Восстановление порядка в послевоенной Чечне было мечтой всех и каждого, однако все больше людей на разоренной войной земле начинали верить в то, что процесс возвращения к общественному порядку требует чего-то значительно большего, чем в состоянии обеспе-

³³ Этот факт не избежал внимания наблюдательных Карлотты Голл и Томаса де Вааля. См. стр 36 в их *Chechnya: Calamity in the Caucasus*, New York: NYU Press, 1998.

чить обычное государство – быть может, возвращения к суровой традиционной вере предков. Постоянно приходилось слышать, что чеченцы с оружием в руках не станут слушаться никакого начальника и даже старейшину. Только Бога.

И тем не менее искусно прикрепленное к лозунгу «*Исламский порядок*» имя Удугова почти повсеместно встречало скептический прием. В ходе предвыборной кампании 1997 г. Басаев, не скрываясь, отпустил шутку о том, как должно быть мило Удугов и его две жены выпили на троих шампанского в новогоднюю ночь. Самому Басаеву не было надобности изображать набожного человека или воина – он и без того вырос в легендарном горном селе Ведено с его крепкими традиционными устоями и куда более всякого другого чеченца отличился в ходе недавней войны. В то время личной стратегией Басаева было создание неожиданно более мирного и европеизированного образа в надежде быть принятым в качестве нормального политика собственными согражданами и особенно на международной арене. Однако Удугов, который провел всю войну в интервью и беседах с журналистами, слишком ясно понимал, чего за граница ждет от чеченцев. Для не пользовавшегося популярностью у себя на родине политика единственной надеждой оставалась поддержка из-за рубежа, в основном с Ближнего Востока. В конце того же 1997 г. разгневанный Басаев оставил политику национального восстановления и вернулся к партизанскому образу жизни. Все это оправдывалось нормами радикальной исламистской идеологии и поддерживалось ближневосточными советниками и спонсорами. Пропагандистские навыки Удугова и здесь подтвердили свою незаменимость.

Изувеченная карьера

Время от времени по площади прокатывались волны оживления, обычно вызываемые раздачей быстро заканчивавшихся агитлиستовок либо группами активистов, которые начинали скандировать лозунги, или, за отсутствием более реальных поводов к поддержанию внимания аудитории, хотя бы слухами о скором прибытии какого-то знаменитого полевого командира, возможно, даже самих фаворитов в президентской гонке – Аслана Масхадова или Шамиля Басаева или же впечатляющего оратора и фотогеничного Ахмеда Закаева (при советской власти бывшего актером в грозненском драмтеатре). Однако вместо них появился скандальный «ультра» Салман Радиев.

Enfant terrible чеченского сопротивления был наряжен в причудливую форму, украшенную блестящими пуговицами с эмблемами – по его словам – самого Чингисхана, носил напоминавший головной убор Саддама Хусейна черный берет, арабский мужской платок *куффи* в шашечках вокруг шеи и закрывавшие большую часть изуродованного пулей лица огромные темные очки. Ходили слухи, что после этого ранения в голову Радиев тронулся умом или, по крайней мере, пристрастился к болеутоляющим; впрочем, многим другим его действия и до ранения также казались не вполне рациональными. Прошлое Радиева требует определенных усилий по раскрытию сложных переплетенных структур за фасадом современного образа непримиримого националиста и самопровозглашенного террориста.

Родившийся в 1967 г. Радиев в начале карьерного пути был перспективным комсомольским кадром³⁴. При подготовке диссертации по экономике он в течение года стажировался в братской Болгарии, где изучал опыт внутреннего ценового стимулирования с целью повышения производительности труда в агропромышленных комплексах. Подобный путь предполагал дальнейшее продвижение технократической карьеры в системе советского планового управления (конечно, если бы эта структура продолжила свое существование) или будущее руководство в новом частном секторе или даже в международном бизнесе. Однако с распадом СССР события приняли совершенно иной оборот, и после 1991 г. Чечня стала мятежной территорией.

Когда в декабре 1994 г. президент Ельцин направил войска на «восстановление конституционного порядка», Радиев воспользовался своим статусом образованного человека, задатками руководителя и, как считается, семейными связями, чтобы выдвинуться в командиры среднего уровня в чеченском вооруженном сопротивлении. Спустя год, в течение которого Радиев ничем особенно не отличился, он вызвался возглавить дерзкий рейд на территорию соседнего Дагестана. Целью было уничтожить на земле эскадрилью российских боевых вертолетов, сильно досаждавших чеченским боевикам, которые не имели достаточных средств для борьбы с авиацией. Акция потерпела неудачу, и застигнутый на рассвете в предместье дагестанского городка отряд Радиева забаррикадировался в местной больнице, взяв в заложники медицинский персонал и больных, не придумав ничего лучшего, чем повторить прием басаевского рейда в Буденновске шестью месяцами ранее. На сей раз Кремль твердо настаивал на уничтожении террористов, однако вновь потерпел неудачу из-за все той же несогласованности в действиях российских силовых структур. Каким-то чудом Радиеву удалось вывести сквозь кольцо всевозможных спецподразделений не только ядро отряда, но и нескольких заложников – и вырваться обратно в Чечню³⁵.

³⁴ Музаев Т. *Чеченский кризис-99*. М.: Панорама, 1999.

³⁵ Печально известная акция и ее политические последствия в подробностях описаны в работе Carlotta Gall and Thomas de Waal, *Chechnya: Calamity in the Caucasus*, New York: NYU Press, 1998.

В шумихе разразившегося скандала, потока взаимных обвинений и череды отставок российских генералов от большинства обозревателей ускользнуло коренное изменение отношения дагестанцев к своим чеченским соседям. Сочувствие страданиям своих кавказских собратьев сменилось глубокой ненавистью к Радую и боевикам вообще. Как сказал бы Талейран, случилось хуже, чем преступление, – это была ошибка. Впрочем, как человек достаточно циничный и самовлюбленный, Радую мог и не осознавать глубины нанесенного соседям оскорбления, как и масштаба последствий для чеченского сопротивления. Вызванный публичным и вопиющим нарушением кодекса добрососедства гнев объединил различные этнические группы Дагестана вокруг отрицания «чеченского пути» и затем выразился в неправдоподобном для стороннего наблюдателя росте местной поддержки по-прежнему неэффективной и, по большому счету, безразличной к проблемам региона российской государственной машины. Именно это позволяет понять причину неожиданно упорного сопротивления дагестанцев в августе 1999 г. самовольному «Походу исламского освобождения», предпринятому личной армией Басаева совместно с некоторыми дагестанскими исламистами и религиозными интернационалистами с Ближнего Востока³⁶.

Чувства неприятия и отторжения вновь оживили унаследованное из прошлого скрытое напряжение, по нескольким линиям разломов разделяющие чеченцев и их дагестанских соседей. Они включали демографическую экспансию чеченцев, на протяжении нескольких десятилетий лидировавших по уровню рождаемости в регионе; шаткое разделение власти на Олимпе дагестанской многонациональной политической элиты и соответствующее распределение ресурсов вроде земельных наделов, торговых льгот, правительственных синекур на различных ступенях властной пирамиды. Немаловажным было также наметившееся в среде появившихся в ходе войны чеченских полевых командиров стремление силой монополизировать и «крышевать» прибыльный оборот контрабанды, шедшей через Дагестан³⁷. Вызванные роковым рейдом Радую эмоции сосредоточили общественное внимание именно на этих факторах, которые и изменили господствующие настроения в различных секторах дагестанского общества. Однако эти изменения до поры оставались незамеченными многими экспертами, которые пространно обсуждали оттенки исламской идентичности или достоинства замысловатой модели «консоциативной демократии», которая предположительно спасла многонациональный Дагестан от участи Чечни.

Личная трансформация Салмана Радую из восходящего комсомольского технократа в отпетого террориста, вероятно, не так и удивительна. В пределах этих крайностей социального статуса мы видим, однако, работу социальных механизмов, которые Бурдые называл *габитус* – набор устойчивых поведенческих черт, присущих определенным классам и группам общества³⁸. Как гласит американская поговорка, «ставший проповедником навсегда проповедником останется» (Once a priest, always a priest). Габитус предрационально выстраивает наши отношение и поведение; именно благодаря автоматичности габитуса отпадает необходимость в длительном обдумывании и рациональной оценке издержек/выгод той или иной поведенческой стратегии, так как реакция возникает почти «спонтанно-естественным» путем. В советский отрезок своей жизни Радую был, если грубо называть вещи своими именами, типичным начинающим карьеристом – каким он и остался во время войны. Как и многие новички в бизнесе, политике или бюрократии, он являл собой смесь амбиций и нетерпения – откуда и широко известная свойственная начинающим биржевым маклерам тяга к азартной рыночной игре с высокими ставками. В габитус таких карьеристов большими буквами впечатано их кредо:

³⁶ Подробнее см. Georgi Derlugian, «Che Guevaras in Turbans», *New Left Review*, I/237 (September-October 1999).

³⁷ Галина Хизриева щедро поделилась своими обширными познаниями в этой области.

³⁸ Здесь я в основном слеую обсуждению проблемы у Pierre Bourdieu and Loïc Wacquant, Ли *Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago: University of Chicago Press, 1992.

«Победителя не судят». В подобных случаях бесстрашие является проявлением неопытности в оценке рисков, а также присущего новичкам соблазна предполагать, что безрассудный риск позволит им сорвать большой куш. Однако Радуев на поверку не был ни смертником, ни фанатиком, и вместо славы удачливого воина приобрел печальную известность циничного террориста, берущего гражданских заложников ради собственного спасения из ловушки.³⁹ Словом, Радуев разбрасывался человеческими жизнями так же бездумно, как и беспощадные сталинские комиссары, ради рапорта обрекавшие на страшный голод крестьян в период коллективизации или посылавшие красноармейцев в атаку через минные поля.

³⁹ В 2000 г., вскоре после начала второй чеченской войны, Салман Радуев был взят российскими войсками в плен, судим и приговорен к пожизненному заключению. Приговор был опротестован такими деятелями как Солженицын, скандально потребовавшими публичной казни террориста, однако Россия подтвердила свою приверженность взятым перед Советом Европы обязательствам по отмене смертной казни. Радуев умер в тюрьме в 2002 г. – по официальной версии, от вызванного старыми ранами внутреннего кровотечения и общего ослабления организма после поста в священный для мусульман месяц Рамадан. Однако, по распространенным слухам, на самом деле кровотечение было вызвано побоями. Согласно новому российскому закону, тело бывшего террориста не подлежало выдаче родственникам.

Исламское выступление

На грозненской площади, где я в первый и последний раз воочию наблюдал Радую, люди голосовали ногами, постепенно отходя от грузовика, с платформы которого тот выкрикивал в мегафон свою фирменную околесицу о духе Чингисхана и о море крови, заверял народ, что Джохар Дудаев жив и объявится в нужный момент, отдавал приказы каким-то легионам смертников и призывал к перманентной войне.

Вскоре на противоположном краю площади начался митинг иного рода, куда и перетекла толпа. Разбитый автобус с патриотическими лозунгами, выведенными попросту тряпкой или пальцем на забрызганных густой грязью бортах, доставил на площадь шумную группу сельчан. Старцы в традиционных папах, овчинных тулупах и высоких сапогах (у некоторых также висели на поясе кавказские кинжалы) попытались разжечь окружающих на скандирование «Аллах-у акбар!» (Бог велик). Этот клич в то время стал аналогом и противовесом русскому «Ура!» Разогревшись подобным образом, мужчины и женщины в одинаковых национальных костюмах (вероятно, позаимствованных из сценических гардеробов сельских дворцов культуры советских времен) встали в два отдельных круга (мужской оказался больше, но женский – ровнее) и начали танец. Исполняли они не искрометную лезгинку, которая стала известной всему миру благодаря гастролям кавказских и казачьих фольклорных ансамблей. Это был *зикр* — энергичное притопывание и хлопанье в ладоши ставшими в круг исполнителями — центральный элемент в молебном ритуале мистического суфийского движения Кадырийя. Необходимо отметить, что сельчане прекрасно осознавали свою телегеничность и держались поближе к камерам. Журналисты также оживились и стали снимать зикристов, которые, в свою очередь, стали еще более энергично выкрикивать патриотические и религиозные лозунги и притопывать с большей силой, приглашая в круг молодежь. Некоторые из зрителей присоединились к ритуалу.

Стоявший рядом с нами среди зрителей обыкновенно одетый чеченец средних лет признал во мне неместного и с горечью прокомментировал: *«А ведь это был вполне культурный современный город... Но нас захлестнула деревня, и теперь иностранцы приезжают сюда как будто в зоопарк. Все это начал Дудаев. До него даже в селах зикр никогда не исполнялся, на площадях, а только дома или где-то подальше от чужих глаз»*. Многие ведущие участники чеченской революции 1991 г. позднее подтвердили мне, что зикр стал исполняться на митингах лишь после возвращения в Чечню генерала Дудаева, ранее, напомним, командовавшего авиабазой в Эстонии. Судя по всему, именно под впечатлением массового хорового исполнения народных песен, которое служило мощным средством эмоциональной мобилизации на прибалтийских митингах, Дудаеву и пришла в голову мысль аналогичного использования на своей революционной родине духовной энергетики кадырийского громкого зикра.

На поиски университета

Наши наблюдения вдруг были прерваны группой решительно приблизившихся к нам через толпу чеченских боевиков – строгого вида, хорошо вооруженных и в разномастной, однако идеально отутюженной полевой форме. Яркий выразительный блондин Кузнецов инстинктивно втянул голову в плечи, да и я сам, признаться, на мгновение почувствовал ватность в ногах: «Вот и дождались...» Небольшого роста, но совершенно нешуточного вида и командирской авторитетной повадки чеченец сходу потребовал ответа, не журналисты ли мы? Наш шофер дядя Мухарбек быстро стал говорить ему что-то на вайнахском, от чего молодой чеченский командир, не спускавший взгляда с наших лиц, лишь отмахнулся пренебрежительно. Видимо, стариков он если и уважал, то не всегда, тем более таксиста из ингушей. Надо было срочно спасать ситуацию. Насколько возможно спокойным голосом я отрекомендовался социологом. Боевик явно озадачился таким ответом. Развивая успех, я пояснил, что мы ученые, и, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, еще более озадачил чеченца встречным вопросом, есть ли в Грозном университет? Командир обменялся несколькими отрывистыми словами на чеченском со своими людьми и затем неожиданно предложил проводить нас туда. Позднее я сообразил, что это была охрана митинга или новые чеченские полицейские, выставленные Масхадовым. В тот же момент непрощенная любезность вооруженных боевиков выглядела неприятно подозрительной – Чечню уже охватила эпидемия похищений. Но деваться было некуда. Присутствие двух вооруженных проводников в машине наполнило салон ароматами свежей оружейной смазки и хорошего одеколона. Они очень старались произвести впечатление дисциплинированных военнослужащих.

Ехали мы в напряженной тишине. Заметив среди руин по дороге новенький безвкусный особняк красного кирпича с должествующими означать шик нелепыми колоннами и огромным флагом Ичкерии на переднем балконе, я нервно пошутил, не местный ли это эквивалент райкома партии? Старший из боевиков бесстрастно ответил: *«Нет, это просто дом богатого бизнесмена, который теперь пытается показать, что тоже участвовал в нашей борьбе»*. Помолчав задумчиво, он неожиданно добавил: *«У вас в России есть же свои богатые люди, и у нас есть свои. Вот ваши и наши богачи и устроили эту войну, чтобы отмывать свои деньги»*. Боевик замолчал, так и не развив свой вариант классового анализа.

После почти часа неизбежно медленных блужданий по испещренным воронками и засыпанным обломками улицам, мы нашли развороченное здание, некогда бывшее университетом. До развала СССР в Грозном было свыше полумиллиона жителей; город был одним из основных центров высшего образования Северо-Кавказского региона, где существовали различные институты, включая, конечно, нефтяной и университет полного профиля. Несмотря на сталинские репрессии и депортацию чеченцев и ингушей в 1944–1957 гг., у этих народов сложился довольно внушительный слой национальной интеллигенции. После возвращения из ссылки чеченские и ингушские образованные кадры повели борьбу за места, статус и соответствующие привилегии с прочно «окопавшимися» за время их вынужденного отсутствия в Грозном русскими профессорами (многие из которых оказались на Кавказе в период эвакуации или послевоенного восстановления). Затяжные позиционные интриги в научно-культурной среде во многом и породили ведущее течение местного национализма, осторожно направляемого, однако, интеллигенцией из коренных горских народов в легитимно советское русло. Это выражалось преимущественно в подаче жалоб и предложений в ЦК КПСС и другие высшие органы советской власти, хотя порой доходило до драк и даже вполне организованных демонстраций протеста на площадях Грозного. Дискурсивно жалобы следовали официальной риторике и не более как указывали на «многочисленные факты» нарушения в Чечено-Ингушской АССР «ленинских норм национальной политики». В самом деле, нормы выдвижения нац-

кадров нарушались. В то время как в других республиках и автономиях СССР представители титульных национальностей были скорее перепредставлены на руководящих должностях и в учреждениях официальной культуры, вплоть до самого конца 1980-х гг. первыми секретарями Чечено-Ингушетии назначались только русские, среди директоров заводов, редакторов газет и телевидения, главврачей больниц, университетских деканов, ректоров и проректоров насчитывалось всего несколько чеченцев и почти не было ингушей. Такое положение дел объяснялось не столько политикой Москвы, сколько сплоченной силой местных советских элит Грозного, сложившихся в период высылки чеченцев и ингушей. Они убеждали центр, что в автономной республике ситуация оставалась слишком сложной, что нацкадры следовало «подбирать разборчиво» и выдвигать лишь очень осторожно в связи с сомнительным прошлым чеченцев и ингушей и их отношением к советской власти. Хотя теперь лишь в закрытых справках и докладных по-прежнему приводились предупреждения о «фактах политического бандитизма» и «сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами». Так на местном уровне по собственным причинам сохраняли демонологию времен сталинских репрессий. Московские чиновники предпочитали не слишком активно вмешиваться в эти местные дела, которые грозили им одними неприятностями, отчего долгое время в республике сохранялась хронически напряженная, но с виду стабильная ситуация.

Даже импульсы горбачевской перестройки долгое время не проникали в Чечено-Ингушетию, где все выглядело вполне «застойно» до 1989 г. Местная интеллигенция, конечно, помня сталинские репрессии и унижительные проработки брежневских времен, лишь начинала осторожно осваивать либерально-демократическую риторику и новые политические средства борьбы, когда их умеренная программа оказалась сметена куда более радикальным и более простонародным потоком популистского национализма дудаевской революции 1991 г. Часть интеллигенции в союзе с отстраненными от власти горбачевскими технократами и бывшими номенклатурными начальниками участвовала в 1992–1993 гг. в создании эфемерных эмигрантских групп в Москве и грозненских выступлениях против режима Дудаева, которые были подавлены силой оружия. После этого чеченская интеллигенция практически исчезает как самостоятельная элитная группа. Российская и западная пресса нигде даже не намекала на то, что во время и после войны 1994–1996 гг. в Чечне все еще существовала университетская жизнь. Однако это было фактом.

Мы, наконец, разыскали университет приютившимся в маленьком двухэтажном здании посреди пятиэтажек, выглядевшем в окружении песочниц и уцелевших деревьев как типичный детский садик советских времен (что и подтвердилось позднее). Боевик-проводник вышел из машины, внимательно и даже с некоторым почтительным любопытством посмотрел на меня и неожиданно спросил: *«Вы, наверное, приехали помочь Республике?»* Я мог только неловко пожать плечами: *«По крайней мере, постараемся, чтобы в мире узнали, что у вас есть университет и что ему явно нужна помощь»*. Чеченский командир неожиданно взял под козырек и произнес торжественно: *«Мы вас за это благодарим»*. Они четко, по-военному повернулись кругом и зашагали через развалины к площади Свободы, очевидно, на свой пост. Теперь, когда я пишу эти строки, из памяти не идут слова, которыми открывается сборник репортажей российской журналистки Анны Политковской: *«Большинство людей, упоминаемых в этой книге, уже убиты»*⁴⁰.

В голом нетопленном кабинете с разбитым окном вокруг старого обшарпанного стола сидели интеллигентного вида мужчины, одетые в пальто и добротные дубленки, указывавшие на былое благосостояние. Это оказался деканат исторического факультета. Узнав, кто мы такие, один из преподавателей-чеченцев весело провозгласил: *«Коллеги робинзоны, поздравляю, нас нашли! И кто?! Конечно, эти пронырливые армяне!»* Трогательность этой встречи

⁴⁰ Anna Politkovskaya, *A Small Corner of the Hell*, Chicago: University of Chicago Press, 2003.

трудно отразить в социологической монографии. Потоком полились рассказы о том, что им довелось пережить за эти годы. Сгорела библиотека, из которой сохранились только труды Л. И. Брежнева – дорогая лощеная бумага не поддавалась огню. Один из археологов эмоционально поведал о том, как в передышках между обстрелами (*«К ним, в конце концов, привыкаешь, как к непогоде. Выглянешь из подвала, помотришь на небо – вроде ничего – и вылезает наружу...»*) он с маниакальным упорством ходил раскапывать руины бывшего музея, спасая экспонаты, как чуть не поплатился жизнью, стыдя отвязного солдата, натянувшего, смеха ради, средневековую кольчугу. Устыженный собственным бессилием помочь в такой беде, я выложил из сумки все деньги, медикаменты, блокноты и авторучки – все, что было при себе. Со вздохом дар был принят: *«Вы приезжайте в лучшие времена, примем достойно, по-кавказски. В горы поедem, к нашим средневековым крепостным башням. Бардак этот ведь должен когда-то закончиться... Мы скинулись с последней зарплаты, которую дали, полгода назад, когда выходили российские войска и администрация, и отправили двух лучших аспирантов в Москву, чтобы сохранилась какая-то чеченская наука, если нас самих тут прикончат. Большие зарплат не было. Пока родня из сел помогали – кто мешок картошки подкинem, кто соленой черемши».*

Как ни странно, в университете шли занятия. Преподаватели недоумевали, зачем студенты вообще приходят? Учебников нет, за отсутствием мебели и из-за холода многим приходится стоять во время лекций. Кругом непролазная грязь и развалины, напшигованные минами и неразорвавшимися боеприпасами. Да и какой теперь смысл в профессии историка или химика? Но очевидно, остатки городских средних слоев вопреки всему пытались сохранять нормальность существования. Детям при всякой возможности давали современное образование советского образца. В новооткрытом Исламском университете учились почти исключительно сельские парни, которые в былые времена едва ли смогли бы куда-нибудь поступить. *«Хотя какие у них там преподавательские кадры? Даже Коран не все могут прочесть по-арабски, что говорить про нормальные нерелигиозные дисциплины?»* Подобные скептические замечания насчет попыток воссоздания исламской системы образования мы уже не раз слышали от разных людей.

Декан с усмешкой рассказал, как недавно его пригласил к себе Аслан Масхадов. Будущий президент попросил декана организовать при университете подготовительный факультет вроде прежнего рабфака для бывших боевиков чеченского сопротивления: *«Надо же их как-то теперь переучивать для мирной жизни, давать профессии».* На прямой вопрос декана, дадут ли какие-то средства на организацию такого «бойфака» и стипендии для студентов, Масхадов лишь горько усмехнулся: *«Сам знаешь, средств нет. Зато могу тебя произвести в бригадные генералы Ичкерии, чтобы студенческий спец-контингент больше уважал».*

«Эх, – вздохнул декан, – у нас тут не осталось ни поездов, ни банков, ни магазинов. Что нашим бандитам теперь грабить? Вот и стали воровать людей». И вдруг декан озорно подмигнул: *«А что, ребята, украдем и мы американского профессора? Может, дадут за него денег на родной университет?»*

Кабардино-Балкария

От Грозного до столицы Кабардино-Балкарии Нальчика всего каких-то сто километров по прямой. И тем не менее это оказался совершенно иной мир – без политизированной главной площади, разбомбленных улиц и ютящегося в детском саду университета. В противоположность Грозному, Нальчик образца 1997 г. оставался уютным провинциальным городом с размеренной жизнью, где ничто не выдавало того факта, что в 1991–1992 гг. Кабардино-Балкария пережила собственную фазу революционной ситуации, почти идентичную тогдашней обстановке в Чечне. Обе революции вышли из одного потока протестной политики в период развала СССР. Чеченское и кабардинское национальные движения имели схожие программы, идеологии и руководящие группы, и до критической точки их развитие шло одним путем. Но затем дороги разошлись.

Революция в Чечне одержала в октябре 1991 г. победу, после которой продолжала радикализироваться в послереволюционной борьбе за власть и череде попыток переворота в 1992 и 1993 гг., наивысшей точкой которых стала эпизодическая гражданская война лета и осени 1994 г. Эти события повлекли за собой массовую миграцию, в результате которой Чечня лишилась большей части прежде многочисленного и образованного городского населения – то есть основы либеральной и умеренно национальной оппозиции режиму генерала Дудаева. Первое вторжение российских войск в 1994–1996 гг. привело к чудовищным разрушениям и почти начисто стерло остатки городской культуры. Реакцией чеченцев на вторжение стало вооруженное сопротивление, основу которого составила молодежь из обширных городских окраин и социально консервативных горных районов. Идеалом героя и вождя для них был Шамиль Басаев.

В Кабардино-Балкарии также были подобные Басаеву люди, и я встречался с несколькими из них. Однако их уделом оставалась относительная безвестность, поскольку революция в их маленькой стране потерпела неудачу, а война так и не состоялась. Кабардино-Балкария осталась лояльной частью Российской Федерации, одной из автономных национальных республик. Одним из показателей присутствия государственной власти в Кабардино-Балкарии является способность вести учет населения и площади ее территории. Подобная практика может показаться само собой разумеющейся для современной страны, однако ни одно чеченское правительство за прошедшее десятилетие так и не смогло достичь чего-либо подобного. Не существует сколь-нибудь достоверных данных ни о населении Чечни, ни о ее точной территории после стихийного раздела с Ингушетией.

В Кабардино-Балкарской республике на тот момент насчитывалось 786 тыс. жителей, из которых кабардинцев – 488 тыс., балкарцев – до тыс., а остальные относились преимущественно к так называемым «русскоговорящим». Население КБР крайне неравномерно расселено на площади 12 тыс. квадратных километров, включающей величественные, но почти незаселенные горы, плодородные холмы и долины, а также собственно Нальчик. По официальным данным, в столице прописано 252 тыс. жителей, однако следует учесть значительное количество неучтенных мигрантов и население слившихся с городом и фактически ставших его окраинами больших деревень⁴¹.

⁴¹ Косиков И. Г., Косикова Л. С. *Северный Кавказ: социально-экономический справочник*. М.: Эксклюзив-Пресс, 1999. С. 115–117.

Государственный порядок

Одним из наглядных признаков сохранения государственной власти в Кабардино-Балкарии можно считать повсеместное присутствие милиционеров, зачастую тяжеловооруженных. На подъезде к Нальчику наш водитель-адыгеец был остановлен за превышение скорости. Он выскочил из машины и на родном языке вступил в доверительный разговор с инспектором ГАИ (кабардинский и адыгейский языки находятся в относительно близком родстве и принадлежат к адыго-абхазской, или иначе к черкесской языковой группе). Однако вскоре энтузиазм нашего водителя сменился унынием: он был вынужден уплатить штраф и даже получил квитанцию, что является редко соблюдаемой формальностью. Сев за руль, водитель пробурчал: *«Вот же чертов службист. Явно не из наших, не черкес. Наверное, из этих балкарцев»*.

Балкарский язык принадлежит к кипчакской группе тюркской языковой семьи. Остается загадкой, как язык средневековых степняков-половцев оказался в высокогорье, где на нем ныне говорят люди, совершенно непохожие на монголоидных гуннов и притом физическим обликом едва отличимые от своих соседей кабардинцев, чеченцев, либо грузинских горцев-хевсуров с другой стороны горного хребта. В случае с гаишником мы стали свидетелями бюрократического формализма, шедшего вразрез с предполагаемой нашим водителем нормой этнической солидарности. В этом бытовом микроэпизоде подметим зернышко межгрупповой конфликтности – постовой балкарец отказался признать своего в лихаче-адыге и применил законную санкцию. Впрочем, штраф оказался небольшим, и наш водитель, тут же за поворотом прибавивший газу, вскоре, казалось, позабыл об этом досадном случае. Однако отчуждение при ином раскладе могло и прорасти на почве политического противостояния, добавив свою долю эмоционального горячего в разгорающийся межэтнический конфликт.

Другим показателем стабильности Нальчика была чистота окаймленных аккуратно подстриженными кустами и деревьями центральных улиц и площадей. Типично сталинские здания псевдоклассического стиля благодаря своим сравнительно небольшим, провинциальным размерам не выглядели столь давящими как аналогичные имперские махины в столицах других республик Советского Союза. В спальных районах высились неизбежные социальные многоэтажки, а окраины были трудноотличимы от деревень с довольно беспорядочными рядами одно- и двухэтажных домов, выстроенных как из престижного кирпича, так и из более дешевых пемзоблоков или даже из традиционного самана, неизменно скрывавшимися за железными воротами, высокими оградами и фруктовыми деревьями. Трехсоставная модель городской архитектуры почти полностью совпадала с ареалами социальных слоев общества: правящая бюрократия заседала в просторных сталинских зданиях, специалисты и кадровый пролетариат жили в хрущевках и панельных многоэтажках 1960-1970-х гг., а население полусельских окраин состояло из людей, уже ушедших из деревни, но пока так и не ставших горожанами.

Лишь неподалеку от въезда в центральную часть Нальчика высилось одно-единственное новенькое здание из стекла и бетона. Несмотря на современные стройматериалы, оно имело совершенно несоветский вид и выбивалось из остальной архитектуры города. Это оказалась новая мечеть, построенная на деньги относительно молодого уроженца республики, сделавшегося крупным бизнесменом в Москве. Мечеть, как нам пояснили, была совершенно официальной – бывшие коммунистические власти республики договорились с доверенным бизнесменом о постройке культового объекта, скорее всего, по собственному пониманию требований времени (на манер «Лужков в Москве вон какие церкви строит»). Мечеть казалась купленной и перевезенной прямо из Эмиратов. Остальные мечети в селах и пригородах Нальчика были много дешевле и нередко располагались в каких-то переделанных старых советских сооружениях. Впрочем, и в эту евроремонтную новостройку, как выяснилось, превратился изменив-

шийся до неузнаваемости кинотеатр «Ударник». Новая показательная мечеть Нальчика выглядела совершенно чистой и довольно пустынной.

Наиболее красноречивым показателем характера правящего режима было полное отсутствие альтернативной местному официозу прессы. Вскоре после местных президентских выборов 1997 г. газеты Кабардино-Балкарии совершенно в традициях советской эпохи печатали сплошным потоком поздравления от трудовых коллективов, студентов, известных ученых и художников (несколько неожиданно, включая прежде диссидентского скульптора Шемякина из Нью-Йорка, оказавшегося по отцу кабардинцем), а также целых сел, отделов милиции и, наконец, телеграмму за подписью просто «кабардинских матерей». Эти ритуальные послания адресовывались президенту (а ранее председателю Верховного Совета) Кабардино-Балкарии Валерию Кокову по случаю его триумфального переизбрания с 98 % голосов избирателей. В постсоветской действительности эта цифра выглядела довольно сомнительным рекордом, однако даже разрозненные оппоненты Кокова нехотя признавали, что действующий президент действительно одержал победу. После всеобщего подъема, великих надежд и страхов революционной ситуации, которую Кабардино-Балкария пережила в 1991–1992 гг., народ перед лицом надвигавшейся катастрофы, подобной тем, что постигли соседние Чечню и Абхазию, впал в разочарование и конформистскую апатию.

Как и многие российские правители регионов 1990-х, Коков создал обширную сеть патерналистской зависимости, все нити которой вели в его администрацию и лично к Хозяину республики. Этого оказалось достаточно, чтобы восстановить иерархию власти и поддерживать поверхностный порядок, но едва ли достаточно для поддержания стареющей промышленности республики. Реалистично рассуждая, из-за нехватки серьезных инвестиционных программ и капиталов заведомо нельзя было ожидать ее давно назревшей реструктуризации. Поэтому большинство людей пыталось просто выжить в новой действительности. На балконах многоэтажек разводили цыплят, а в дальнем углу городского парка отдыха мы заметили пасущихся коров. В общем, возврат к нормальной жизни по рецепту Кокова означал всего лишь урезанное подобие брежневской эпохи.

Политическая оппозиция в Кабардино-Балкарии была явно разобщена и подавлена. Пар ее негодования продолжающимся правлением Кокова выпускался посредством разговоров в интеллектуальных кругах и единичных акций, приписываемых «горячим головам среди молодежи». В ночь перед нашим приездом в Нальчик в подвальное окно правительственного здания была кем-то брошена граната. Нам также рассказали о взрывчатке, по слухам и завуалированным осуждающим указаниям в официальной прессе, обнаруженной в центре города, у подножия статуи средневековой кабардинской княжне Гошаней. В 1557 г. для заключения династического брака с Иваном Грозным она была крещена и получила имя Мария. Четыреста лет спустя, в 1957 г., советская пропаганда провозгласила этот исторический эпизод моментом «зарождения вечных уз между Россией и Северным Кавказом»; соответственно, недолго прожившая русская царица – черкешенка Мария – стала «матерью дружбы народов»⁴². Статуя Гошаней-Марии стала периодической мишенью регулярного вандализма местных националистов; городские же власти с не меньшей настойчивостью очищали и ремонтировали ее (а по широко распространенным слухам, даже тайно заменяли поврежденный памятник). После устрашающей вспышки протестов в 1991–1992 гг. национально-освободительная политика в Кабардино-Балкарии свелась к символическому хулиганству.

⁴² Комичность этого перла пропаганды не избежала внимания современников, в популярном анекдоте предложивших посмертно вручить звезду Героя Социалистического Труда отцу Гошаней князю Темрюку за исключительную историческую прозорливость, выразившуюся в весьма заблаговременном присоединении к будущей Родине мирового социализма.

Черкесская церемонность

Наши коллеги из Кабардино-Балкарского университета, узнав, что мы с Игорем Кузнецовым занимались сбором данных о национальных движениях, радушно предложили свести нас с недавно еще знаменитым местным оппозиционером Мусой Шанибовым, президентом Конфедерации горских народов Кавказа (в начале девяностых это наднациональное движение всерьез всколыхнуло регион). Пока мы ожидали прибытия Шанибова, в полном соответствии с канонами горского гостеприимства преподавательская комната была обращена в зал для импровизированного пиршества.

Этническая культура Кабарды носит четкий отпечаток аристократического прошлого. Со времени распада Золотой Орды в 1390-е гг. и до покорения этих земель Российской империей в начале XIX в., почти четыре столетия кабардинцы являлись элитным черкесским племенем (вернее, по Майклу Манну, «нацией-классом»⁴³) рыцарской элиты, обеспечивавшим защиту и контроль над прочими горскими народами центрального сектора Северного Кавказа. За это кабардинские всадники взымали дань с горских общинников, в будущем известных под названиями карачаевцев, абазин, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев. Несмотря на все признаки всепроникающей советизации, гостям на Кавказе оказывается поистине королевский прием, чарующий и одновременно ставящий в неловкое положение своим несколько преувеличенным размахом; и трудно не заметить, что сами хозяева ведут себя с на редкость изысканной церемониальностью и благородством манер. В принципе, не столь уж многие из современных нам кабардинцев являются потомками княжеских родов. Скорее, после уничтожения большевиками исторического дворянства и кардинального преобразования общества в советский период элементы старого аристократического этикета были восприняты и продолжены бывшим простонародьем. В советских условиях этикетные практики задействовались для обживания, облагораживания и ритуализованного (по Эрвину Гоффману) структурирования своей новой жизни в городской среде, для поддержания расширенных сетей дружеских и соседских отношений, патронажа и полезных знакомств. Не в последнюю очередь национальные этикетные практики наделяли поднимающегося по социальной лестнице человека культурными навыками для осуществления новых ролей в современном индустриальном, урбанистическом и бюрократическом социальном ландшафте. Привлечение старинного этикета стало одним из способов, благодаря которым кавказцы могли приспособиться и достойно себя чувствовать в нелегких условиях советской поголовной пролетариатизации.

На Кавказе застолья являются общепринятым социальным ритуалом, и местные жители соблюдают детальные предписания относительно правил рассадки гостей, очередности цветистых тостов и, конечно, прежде всего избрания тамады, который руководит застольем. (Точным названием должности Шанибова в Конфедерации горских народов было именно *тхамда*, предполагавшее виртуальное братское застолье коренных народов.) Проведение полевых исследований на Кавказе, как известно со времен кинокомедии об этнографе Шурике, требует от исследователя мужского пола самодисциплины и умения принимать алкоголь в изрядных дозах.

⁴³ Неовеберианец Майкл Манн в своем анализе феодальной Англии показывает, что дворянский класс с его церемониалом, легендами и социальной солидарностью взаимопризнания, собственно, и стал где-то в ходе Столетней войны и Реформации английской нацией. Однако нижние социальные группы, в особенности крестьяне, войдут в эту английскую нацию и приобретут ее самосознание лишь спустя столетия, с наступлением индустриальной современности и необходимости политически интегрировать нарождающуюся городскую буржуазию и пролетариат. Michael Mann, *The Sources of Social Power*. Vol. I. Cambridge University Press, 1986.

Исламский морализм

Даже в исторически мусульманских областях Кавказа общественное мнение в принципе позволяет употребление водки, поскольку, в отличие от получаемого путем брожения пива и вина, водка изготавливается путем перегонки, который, как утверждается, был неизвестен во времена Пророка и, следовательно, не мог быть воспрещен шариатским законом. Находящиеся в меньшинстве новоявленные исламские пуритане считают этот казуистический извинительный довод попросту отвратительным и обвиняют, конечно, во всех грехах разлагающее русское влияние – вот и еще одна яркая иллюстрация того, как фундаментализм противопоставляет себя традиционализму. В действительности фундаментализм (или ваххабитство, как его обзывают противники) является не попыткой возврата к традициям, а вполне современной социально-нормативной *критикой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.